

№ 4 / 2021

www.lawinfo.ru

МОЛОДОЙ ЮРИСТ

ЦИФРОВАЯ СРЕДА В ПРАВЕ

Главный редактор:**Пальцева Маргарита Владимировна****Заместитель главного редактора:****Крюкова Евгения Сергеевна****Редакционный совет:**

Минбалева Алексей Владимирович, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук;

Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук;

Молотников Александр Евгеньевич, доцент кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;

Замышляев Дмитрий Владимирович, почетный президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», кандидат юридических наук;

Кирьянов Артем Юрьевич, заместитель попечительского совета Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», член Общественной палаты Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Крюкова Евгения Сергеевна, ассистент кафедры криминалистики Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Научно-образовательного центра «Право и СМИ», кандидат юридических наук;

Ульбашев Алим Хусейнович, преподаватель Французского университетского колледжа МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук;

Машаров Евгений Иванович, вице-президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», кандидат юридических наук;

Гутерман Александр Евгеньевич, член Совета молодых адвокатов МО, кандидат юридических наук;

Долгих Федор Игоревич, заведующий кафедрой теории государства и права Московского финансово-промышленного университета «Синергия», кандидат исторических наук, доцент;

Пальцева Маргарита Владимировна, президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», адвокат;

Сербин Михаил Викторович, вице-президент Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», заместитель заведующего кафедрой гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, кандидат юридических наук;

Соболева Екатерина Андреевна, руководитель аппарата Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации»;

Трефилов Александр Анатольевич, председатель Московского городского отделения при МГУ имени М.В. Ломоносова Общероссийской общественной организации «Молодежный союз юристов РФ», кандидат юридических наук;

Цветкова Александра Игоревна, председатель Совета молодых адвокатов МО;

Шапсугова Мариетта Дамировна, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права, врио заведующего отделом аспирантуры Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент;

Долганин Александр Александрович, ассистент кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

ПРАВО И СМИ

- Кнышоид М.З.** Проблемы определения правового статуса электронного документа в российском информационном обществе 2
- Симонова С.В.** Обеспечение прав человека в деятельности цифровых платформ: актуальные вопросы 8
- Гулиева Д.И.** Правовые проблемы антимонопольного регулирования в цифровую эпоху 14
- Лапин С.С.** Обзор. Регулирование института деловой репутации (гудвилла) Типовым контрактом франчайзинга Международной торговой палаты и применимость его положений в российском правовом порядке 21

НАУЧНАЯ РАБОТА МОЛОДОГО ЮРИСТА

- Высоцкий П.П.** Основы правового регулирования шахматных партий 24
- Мустафазаде Р.Ш.** Ответственность за жестокое обращение с животными в уголовном праве: дискуссионные вопросы и перспективы 29
- Меликян А.А.** Товары как инструмент обеспечения гибкости торгового права 33
- Челушкина В.К.** К вопросу применения медиации как основного механизма концепции «Восстановительного правосудия» в уголовном процессе России 38
- Тюфтина Е.А.** Организованная преступная деятельность по российскому и зарубежному уголовному законодательству: вопросы и пробелы применения 44
- Петрова В.Н.** Институт партисипаторного (инициативного) бюджетирования 51
- Кайнова В.С.** Механизм устранения двойного налогообложения дивидендов в рамках Модельной конвенции ОЭСР и СИДН 57

КОНКУРСЫ, ГРАНТЫ, СТАЖИРОВКИ И МЕРОПРИЯТИЯ

- Крюкова Е.С.** О научно-образовательном центре МГУ «Право и СМИ» 61
- Имранова Л.Ф.** Парусный спорт и юридический мир 65

УЧРЕДИТЕЛЬ: Издательская группа «Юрист»**Главный редактор ИГ «Юрист»:**
Гриб В.В., д.ю.н., профессор**Зам. главного редактора ИГ «Юрист»:**
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.**Редакция:** Лаптева Е.А., Курукина Е.И.**НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:** Швечкова О.А., к.ю.н.**Центр редакционной подписки:**Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru
Телефон редакции: (495) 953-91-08**Адрес издательства/редакции:**115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
E-mail для авторов: avtor@lawinfo.ruПлата с авторов за публикацию статей
не взимается.

Номер подписан: 22.11.2021.

Издается в электронном формате.

Распространяется бесплатно.

ISSN 2500-0314

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ правового статуса электронного документа в российском информационном обществе

КНЫШОИД МИХАИЛ ЗИНОВЬЕВИЧ,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
black-teams@ya.ru

Непрерывное развитие информационных технологий, в том числе вычислительной техники и их компонентов, в рамках четвертой промышленной революции, в современном мире обуславливает структурный сдвиг в сфере информационного взаимодействия между представителями социума и электронно-вычислительных машин (далее — ЭВМ), о чем говорится в труде Клауса Шваба¹. Мы сейчас наблюдаем непрекращающийся процесс отчуждения электронного документа от человека — фактически любое информационное взаимодействие между людьми замещается взаимодействием ЭВМ. Любая электронная информация, создаваемая человеком посредством использования ЭВМ и/или информационно-телекоммуникационных систем (далее — ИТС), лишается основных составляющих —

содержания и сведений/знаний, которые присущи ей в обыденной для человека среде. Фактически мы сталкиваемся с тем, что электронным сущностям, представленным в лице ЭВМ и ИТС, безразличен сам смысл документа, создаваемого человеком, так как для них любая информация интерпретируется системой счисления, являющейся в своем понимании совокупностью подмножества двоичных символов, которые промаркированы особым образом. Вследствие этого любые проводимые аналогии между традиционной и информационной технологиями отображения документа, в том числе закоренелый в обществе штамп в виде человека, использующего ЭВМ при создании документа только как универсальную и быструю печатную машину, постепенно погружаются в анналы истории человечества.

Для понимания проблематики определения правового режима электронного документа в российском информационном обществе был проведен анализ документов

¹ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Pages/Промышленность/К.%20Шваб_Четвертая%20промышленная%20революция_2016.pdf (дата обращения: 05.09.2021).

стратегического планирования, законодательных актов и иных нормативно-правовых актов, непосредственно влияющих на процесс становления информационного общества России и на реализацию утвержденной Правительством Российской Федерации программы «Цифровая экономика Российской Федерации»².

В ходе постепенно нарастающего процесса формирования и становления национальной цифровой экономики наблюдается активная деятельность в сфере реализации процесса слияния информационных и коммуникационных технологий в российском обществе³, из-за чего не теряющим свою актуальность остается вопрос внедрения инновационных технологий в процессы управления и движения документов в организациях. В результате чего регулирование процессов внедрения и эксплуатации информационных технологий, в том числе систем электронного документооборота (далее — СЭД), прочно занимает весомое место в процессе становления российского инновационного правового пространства в рамках становления и развития отечественной цифровой экономики, что, в свою очередь, плодотворно влияет на цифровизацию России. Стоит отметить не менее насущный вопрос правового применения электронного документооборота как в государственном секторе, так и в бизнесе. Вследствие чего наблюдается экспоненциальный рост числа органов государственной власти и организаций в сфере бизнеса, использующих на практике следующее:

- различные технологии электронного документооборота. Например, СЭД «Дело» — система с полным набором инструментов

для управления документооборотом и делопроизводством, разработанная отечественной компанией «Электронные офисные системы»;

- различные корпоративные информационные системы. Например, информационная система «КонсультантПлюс» — компьютерная справочная правовая система, разработанная одноименной отечественной компанией «КонсультантПлюс».

Вышеописанная тенденция находит отражение в пуле непрерывно возникающих вопросов в части эффективного информационного взаимодействия организаций и органов государственной власти, в том числе в процессе осуществления внешнего, включая межведомственный, электронного документооборота.

Опираясь на историческое наследие развития информационных технологий, стоит обратить внимание на сам процесс появления электронных документов в современном мире, что, в свою очередь, естественным образом вызвало необходимость создания как новых технологий, так и сопутствующей нормативной базы для последующей работы с ними в органах государственной власти и организациях. Опираясь на опыт российского законодательства, очевидно, что для решения практических вопросов должно предшествовать: предварительное теоретическое осмысление фактически новой формации документов; дальнейшее четкое определение понятийного аппарата в части электронного документооборота, в том числе формирование понятия «электронный документ»; последовательно изучение и подробное описание всех свойств этих документов. Комплексное решение вышеперечисленных вопросов необходимо для понимания следующих задач:

- формирования перечня различий между двумя видами документов — электронным и аналоговым, оформляющихся в организациях на бумажном носителе;

² Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”». URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 02.09.2021).

³ Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России // Информационное право. 2019. № 4. С. 12–15.

- определения пула технологий для управления, хранения и использования электронных документов;

- осмысления возможности электронного документа являться абсолютным аналогом документов на бумажном носителе.

Учитывая проводимые государством работы в тесном взаимодействии с бизнесом и наукой в рамках реализации программы цифровой экономики в России, необходимо понимать, что требуются своевременное формирование и последующая актуализация соответствующего инновационного правового пространства, выполнение юридических действий в сферах человеческой деятельности с применением электронных документов. Поэтому вопрос определения правового статуса электронного документа в современном российском законодательстве необходимо рассматривать используя также фактографическую базу данных определенных и понятийный аппарат применительно к аналоговому и электронному документам.

В процессе регулирования, актуализации практического использования субъектами правоотношений электронных документов необходимо максимальное фокусирование внимания законодателя при формировании российской правовой базы в сфере электронного взаимодействия на понимании важности адекватного описания объекта правового регулирования и значимости возможных последствий в случае некорректного описания для субъектов правоотношений при применении электронных документов в своей деятельности.

В ходе анализа фактографической базы данных определений аналогового и электронного документов рассмотрен ряд нормативных правовых документов. Так, в ст. 1 Федерального закона от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ⁴ приведено основополагающее понятие *документ* применительно к пониманию аналоговых документов. В национальном

стандарте Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.8-2013⁵ (далее — ГОСТ Р 7.0.8-2013) наряду с понятием *документированная информация*, изложенным в п. 3.1.11, отражено не менее важное понятие *носитель (документированной) информации*, определенное в п. 3.1.12. Различные формы документов, разрешенные к применению в России, изначально регистрируются и систематизируются Общероссийским классификатором управленческой документации⁶, согласно которому аналоговые документы можно классифицировать по виду оформления в виде следующих категорий: подлинник, дубликат, копия, заверенная копия. Понятие *электронный документ* обращает на себя внимание в п. 3.1.10 ГОСТ Р 7.0.8-2013, — это документ, информация которого представлена в электронной форме.

На наш взгляд, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ⁷ (далее — ФЗ № 149-ФЗ) в первую очередь необходим для учета в современном российском законодательстве происходящих инновационно-технологических изменений в современном информационном обществе. В подпункте 11.1 и п. 10 ст. 2. данного закона приводятся конкретизированные определения понятий *электронный документ* и *электронное сообщение* соответственно. При определенных стечениях обстоятельств, с точки зрения этого закона, электронным документом может являться информация, переданная либо полученная по

⁴ Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2021).

⁵ Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения»: утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2013 г. № 1185-ст. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200108447> (дата обращения: 03.09.2021).

⁶ ОК 011-93. Общероссийский классификатор управленческой документации: утв. Постановлением Госстандарта России от 30 декабря 1993 г. № 299 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2021).

⁷ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2021).

каналам ИТС. В соответствии с Федеральным законом № 149-ФЗ, любая информация, зафиксированная на материальном носителе и имеющая реквизиты, позволяющие в дальнейшем идентифицировать такую информацию, является документированной информацией. Однако не стоит забывать, что законодатель в данном законе не сформулировал такие немаловажные понятия, как носитель информации и его возможные разновидности.

Результатом проведенного анализа фактографической базы данных определений применительно к аналоговому и электронному документам является выявленное основное отличие электронного документа от документов, представленных на иных носителях, — форма представления информации электронная. Данная форма представления электронного документа требует дополнительного использования комплекса программно-технических средств не только для создания, обработки и передачи документированной информации, но и для ее дальнейшего восприятия человеком. Это без сомнения подчеркивает одну из принципиальных особенностей электронного документа — его независимость от создающего и воспринимающего его субъекта⁸. То, что в ходе жизнедеятельности человека воспринимается с помощью использования современных программно-технических средств, является не самим электронным документом, а представляется в качестве его воспроизведения в удобно воспринимаемой человеком форме. Поэтому в национальном стандарте Российской Федерации ГОСТ Р 52292-2004⁹ (далее — ГОСТ Р 52292-2004)

⁸ Актуальные проблемы информационного права : учебник / колл. авт. ; под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. 2-е изд., перераб. М. : Юстиция, 2019. 594 с. (Серия: Магистратура и аспирантура).

⁹ Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52292-2004 «Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения» : утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 декабря 2004 г. № 135-ст. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200038309> (дата обращения: 04.09.2021).

наряду с понятием *электронный документ* вводится ряд связанных с ним понятий — *реализация электронного документа* (в п. 4.3.1) и *воспроизведение электронного документа* (в п. 4.3.4). Из этого следует, что восприятие человеком электронного документа на экране монитора или в виде распечатки на классическом бумажном носителе является прежде всего фактом воспроизведения электронного документа в форме, доступной для удобного восприятия человеком, что подтверждается результатом проведенного анализа ГОСТ Р 52292-2004. Данная особенность электронного документа, нашедшая отражение в его определении, далеко не единственная.

Для понимания сущностей рассматриваемых понятий был использован научный труд «Основы понимания феномена электронного обмена информацией»¹⁰, в котором одним из результатов исследования феномена электронного обмена информацией является понимание кардинального отличия электронных документов от аналоговых, состоящее прежде всего в их предназначенности для функционирования в различных средах существования документов — аналоговой и электронной. Фактически среда существования предоставляет документу определенные возможности, что, в свою очередь, параллельно накладывает на него определенные ограничения. В частности, это проявляется в том, что в аналоговой среде документ отображается в виде объекта и всегда им является, а в электронной среде — всегда в виде процесса, из-за постоянного нахождения электронного документа в активном состоянии, что отмечено в проведенном исследовании В.А. Конявским и В.А. Гадасиным. Стоит обратить внимание, что именно это свойство электронного документа порождает пул проблем, которые связаны с обеспечением сохранности

¹⁰ Конявский В.А., Гадасин В.А. Основы понимания феномена электронного обмена информацией. Мн. : Беллитфонд, 2004. 281 с.

электронных документов в течение достаточно длительного времени, — ведь одно дело на практике сохранить объект, а другое — процесс. Эта отличительная особенность электронного документа связана с его существованием в принципиально иной среде, положена в основу понятия *электронный документ*, приведенного в п. 4.2.12 ГОСТ Р 52292-2004. Данное определение акцентирует внимание на выделении *электронной среды* (термин приведен в п. 4.2.10 ГОСТ Р 52292-2004) и *цифровой среды* (в п. 4.2.11 ГОСТ Р 52292-2004), в которых существует электронный документ.

Кроме того, следует обратить внимание на некорректность определения понятия *электронный документ*, приведенного в п. 4.2.12 ГОСТ Р 52292-2004, в части его формулировки как «формы представления документа». Связь «формы представления документа» с определением сущности понятия *электронный документ* означает следующее: существует некий документ, который может быть представлен в иной форме, однако в электронной и цифровой средах формой его представления является электронный документ. Для предотвращения возникновения коллизий, на наш взгляд, следует определять понятие *электронный документ* не как форму представления документа, а как документ, который представлен в виде множества взаимосвязанных реализаций в электронной среде и соответствующих им взаимосвязанных реализаций в цифровой среде.

Следующим существенным признаком отличия электронного документа от аналогового является его структура. Структура документа на бумажном носителе описывается через понятие *формуляр документа*, приведенное в п. 3.1.37 ГОСТ Р 7.0.8-2013, которое на бумажном носителе определяет состав реквизитов документа и их расположение на стандартном листе бумаги, а также место расположения основной части документа — текста. При этом структура любого электронного документа состоит из двух

основных компонентов — содержания и метаданных. Метаданные электронного документа — это данные, описывающие контекст, содержание и структуру документа, обеспечивающие дальнейшее управление им в информационной системе.

Стоит отметить еще один немаловажный признак электронного документа — формат файла документа, являющийся, в свою очередь, структурой файла и определяющий способ его хранения в ЭВМ и ИТС и последующее отображение на экране монитора или при выводе на печать. Необходимо понимать, что в современном мире существует больше 9 000 форматов файлов, большая часть из которых используется при подготовке, обработке и дальнейшем хранении электронных документов.

Непрерывающееся развитие информационных технологий в современном глобальном мире приводит к постоянному процессу создания новых форматов файлов и последующему процессу усовершенствования как текущих, так и создающихся форматов файлов. Учитывая данный момент, можно классифицировать форматы файлов документа на следующие основные категории — текстовая; графическая; электронные таблицы; базы данных; медиаформаты; архивное хранение; языки разметки, которые позволяют наглядно отображать информацию о документе. В процессе внедрения и последующей эксплуатации СЭД в организациях государственного и бизнес-сектора преимущественно используются текстовые и графические форматы. Со стороны законодателя отметим приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 2 сентября 2011 г. № 221¹¹, регламентирующий функциональность

¹¹ Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 2 сентября 2011 г. № 221 «Об утверждении Требований к информационным системам электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти, учитывающих в том числе необходимость обработки посредством данных систем служебной информации ограниченного распространения» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2021).

СЭД федерального органа исполнительной власти.

Возвращаясь к вопросу о правовом статусе электронного документа в Российской Федерации, отметим, что в настоящее время наблюдается медленная, но постепенная реализация данной дилеммы в процессе становления российского правового государства и развития информационного общества. В частности, об этом свидетельствует принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ¹², который направлен на развитие правового регулирования электронного документооборота в процессах судопроизводства и одной из основных целей которого является обеспечение возможности использования электронных документов в качестве доказательств.

Углубленное рассмотрение вопроса применения электронного документа в российском информационном обществе приводит к неоднозначному выводу — законодательная база Российской Федерации в части электронного документооборота явно недостаточна. Множество вопросов и в сфере обеспечения информационной безопас-

ности¹³. В процессе анализа отечественной правовой базы в сфере электронного документооборота выявлено отсутствие многих принципиальных и основополагающих положений, без которых затруднено дальнейшее развитие электронного и межведомственного взаимодействия как в государственном секторе, так и в российском бизнесе. На наш взгляд, одним из примеров недоработки национального законодательства служит положение Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ¹⁴, предусматривающее (но в тот же момент не являющееся нормой прямого действия на субъектов правоотношений) следующее: электронный документ с квалифицированной электронной подписью равнозначен документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, не дающему ответов на ряд вопросов, например: может субъект российского предпринимательского сообщества при организации своей управленческой деятельности самостоятельно использовать СЭД или он должен отказаться от них в пользу классического бумажного документооборота?

¹² Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Минбалеев А.В. Доктрина информационной безопасности в РФ // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 3. С. 62–66.

¹⁴ Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2021).

Литература

1. Актуальные проблемы информационного права : учебник / В.И. Авдийский [и др.] ; под редакцией И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. 2-е изд., перераб. Москва : Юстиция, 2019. 594 с.
2. Конявский В.А. Основы понимания феномена электронного обмена информацией / В.А. Конявский, В.А. Гадасин. Минск : Беллитфонд, 2004. 281 с.
3. Минбалеев А.В. Доктрина информационной безопасности в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития / А.В. Минбалеев // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 3 (21). С. 62–66.
4. Полякова Т.А. Цифровые инновации и проблемы развития механизма правового регулирования в России / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев // Информационное право. 2019. № 4. С. 12–15.
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. Москва : Эксмо, 2016. 138 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА в деятельности цифровых платформ: актуальные вопросы

СИМОНОВА СНЕЖАНА ВЛАДИМИРОВНА,

доцент кафедры социального и семейного законодательства
Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова,
кандидат юридических наук
snezh-simonova@yandex.ru

События 2020–2021 гг. показывают, что политика отдельных цифровых платформ (в том числе социальных сетей, видеохостингов, агрегаторов и иных веб-сервисов) имеет колоссальное влияние на ситуацию с обеспечением прав человека в интернет-среде. Прежде всего речь идет о новых проявлениях и формах так называемой «цензуры» цифровых платформ: под этим термином, как правило, понимают действия операторов платформ по ограничению распространения материалов, в целом соответствующих национальному законодательству. Ярким примером такой практики принято считать ситуацию, связанную с блокировкой YouTube, Facebook и некоторыми иными интернет-площадками каналов и материалов отдельных российских средств массовой информации¹.

Не меньший общественный резонанс вызвала и ситуация блокировки аккаунтов бывшего Президента США социальными сетями в начале 2021 г.

Указанные выше сюжеты закономерно отразились на подходах российского законодателя к регулированию деятельности интернет-платформ. Так, факты ограничения материалов российских СМИ в социальных сетях и на видеохостингах послужили катализатором принятия известного федерального закона, установившего механизм ограничения доступа к информационным ресурсам, признанным причастными к нарушениям основополагающих прав и свобод человека². В июле 2021 года были также определены правовые основы деятельности иностранных IT-компаний, ведущих деятельность в российском сегменте сети Ин-

¹ Согласно статистике Роскомнадзора, к марту 2021 г. ведомством было зафиксировано 37 фактов подобных ограничений. Более подробно см.: РКН насчитал 37 случаев цензуры против СМИ РФ на иностранных платформах // Интерфакс. 2021. 19 марта. URL: <https://www.interfax.ru/russia/756828> (дата обращения: 01.08.2021).

² См.: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации”» (СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 21) // СПС «КонсультантПлюс».

тернет, и в частности, установлена их обязанность по открытию филиалов (представительств) либо российских юридических лиц, представляющих их интересы³.

Помимо уже действующих нормативных правовых актов, вопрос о регулировании статуса цифровых платформ в России в части их обязательств применительно к сфере прав человека прорабатывается на уровне большого числа законопроектов и актов «мягкого» права. В 2021 году в Государственную Думу РФ был внесен, но по состоянию на сентябрь 2021 г. уже снят с рассмотрения законопроект «О российских технологических платформах»⁴, а в августе 2021 г. вниманию широкой общественности были представлены разработанные ФАС России принципы работы цифровых платформ. Декларируется, что одной из важных целей разработки этих принципов служит цель обеспечения реализации конституционных прав пользователей платформ, в том числе прав на получение и распространение информации, неприкосновенности частной жизни⁵.

Тот факт, что о необходимости защиты обозначенных конституционных ценностей задумывается такой государственный орган, как ФАС России, сам по себе уже наводит на мысль о том, что в эпоху развития цифровых платформ, сервисов и экосистем вопрос обеспечения прав человека давно уже перестал являться сугубо «публичным» делом и входит в зону прямого интереса и влияния частных корпораций.

³ См.: Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации» (СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5064) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Законопроект № 1208812-7 «О российских технологических платформах» // СОЗД. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1208812-7> (дата обращения: 15.08.2021).

⁵ См.: Экосистемный анализ: ФАС составила пять принципов работы цифровых платформ // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/23202> (дата обращения: 01.09.2021).

В целях более обстоятельного осмысления обозначенной тенденции крайне важно проанализировать природу цифровых платформ как пространства реализации и защиты отдельных конституционных прав личности.

Обобщая сложившиеся к настоящему времени подходы к определению цифровых платформ, можно прийти к тому выводу, что понятие цифровой платформы справедливо рассматривать с позиции трех основных аспектов. Каждый из этих аспектов позволяет вычлнить ключевые особенности платформ как пространства реализации конституционных прав.

Так, определением цифровой платформы как *особого типа бизнес-модели*, системы отношений между участниками экономической отрасли в целях снижения их транзакционных издержек подчеркивается, что ядро платформенной организации составляют блага, имеющие четкое конституционно-правовое осмысление, — *информация, данные граждан, их вовлеченность и социальная активность*. Особенностью экономики платформ служит то, что в границах последних создаются не столько товары или услуги, сколько пространство, где указанные товары (услуги) существуют и обмениваются, а аккумулируемые платформами блага — данные и информация — зачастую собираются в счет бесплатного использования сервисов платформ.

Не менее значимым является понимание платформ в техническом ключе как базирующейся на сетевом эффекте *системы алгоритмизированных взаимоотношений участников в единой информационной среде*. Подобная конструктивная особенность платформ влияет на осуществление прав в их границах, а также предопределяет типовые формы социального вовлечения пользователей. Алгоритмы, лежащие в основе работы цифровых платформ, пред-

определяют неоднозначную роль платформ для динамики общественной коммуникации. С одной стороны, платформы существенно облегчают эту коммуникацию и взаимодействие. С другой же стороны, непрозрачность и сложная архитектура цифровых платформ практически выводят их администрирование из зоны внешнего контроля: логично, что, будучи управляемыми коммерческими корпорациями, деятельность платформ отражает экономические и политические приоритеты своих администраторов.

Наконец, с юридической точки зрения широко распространенным является восприятие цифровых платформ как *информационных посредников*, монетизирующих гражданскую активность и позволяющих осуществлять поиск, получение, распространение и предоставление информации. Права и обязанности информационных посредников уже урегулированы в российском законодательстве, правда, пока — исключительно в разрезе защиты интеллектуальных прав.

Обозначенные выше особенности цифровых платформ позволяют прийти к выводу об *их особой частно-публичной природе*, вытекающей из высокой значимости платформ для реализации целой группы конституционных прав — права на информацию, свободы мнений, права на неприкосновенность частной жизни, социально-экономических прав и ряда других. Как частные субъекты, операторы платформ определяют пределы дозволенного в своих границах. В то же время эти же субъекты выполняют значимые публичные функции по предоставлению пространства для реализации прав, оказывают целый спектр общественно значимых услуг.

Что интересно, владельцы цифровых платформ высоко оценивают свою роль в деле защиты прав человека, декларируя приверженность конституционным ценно-

стям. Так, в обновленных миссиях цифровых компаний можно увидеть заявления об их стремлении сделать мир более открытым и связанным, предоставить людям возможность свободного информационного обмена, достоверную информацию, укреплять традиционные институты безопасности и гражданского общества⁶.

С учетом столь обширных публичных функций и задач, которые принимают на себя владельцы цифровых платформ, отметим некоторые проблемы-вызовы, выходящие на ведущий план в связи с новой ролью цифровых корпораций, и обозначим возможные варианты их разрешения.

1. Прежде всего в связи с усилением роли цифровых платформ в механизме реализации большого спектра конституционных прав высокую степень актуальности имеет *проблема несоответствия отдельных положений локальных актов цифровых платформ общепринятым международным и национальным стандартам прав человека*. Значение этих локальных актов колоссальное, ведь именно они определяют общий объем прав и обязанностей пользователей, условия доступа к сервисам платформы, правила публикации контента, ограничения распространения информации и условия обработки данных пользователей. Фактически, принимая подобные документы, цифровые платформы реализуют «квазиправотворческие» функции. И здесь высок соблазн злоупотреблений со стороны владельцев платформ.

В 2014–2016 годах при поддержке Совета Европы увидел свет большой аналитический доклад с результатами исследования текстов пользовательских соглашений 50 онлайн-платформ на предмет их

⁶ Пибавев И.А., Симонова С.В. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 31–50.

соответствия базовым правам человека в сфере приватности, свободы мнений и процессуальных гарантий. Проведя анализ, исследователи пришли к выводу о том, что современные terms of services регулируют не столько отношения в сфере потребления товаров и услуг платформ, сколько отношения по поводу реализации отдельных конституционных прав. Среди общих недостатков пользовательских соглашений в докладе были отмечены такие проблемы, как сложный и двусмысленный язык этих документов; большое число и объемный характер пользовательских соглашений; недостаточное регулирование прав пользователей и гарантий этих прав⁷.

Несмотря на то что указанные проблемы отмечались уже в аналитических документах образца 2016 г., в 2021 г. они стоят не менее остро. Как и во многих других странах, в России одним из инструментов противодействия применению цифровыми платформами неоднозначных с позиции государства пользовательских соглашений становятся инструменты антимонопольной политики. Довольно показательным в этом плане является дело, возбужденное ФАС России весной 2021 г. против Google по поводу злоупотребления YouTube доминирующим положением на рынке, ущемления прав пользователей и других участников. Поводом к возбуждению дела стали факты блокировки аккаунтов российских СМИ на видеохостинге, а основанием — жалоба на отсутствие у цифровой платформы единого подхода к удалению и блокировке контента, возможность блокировки аккаунтов по усмотрению платформы⁸.

Формально камнем преткновения государства и цифровых платформ является принципиальная разница в подходах к оценке контента, которые исповедуют интернет-игроки и государственные институты. Если мерилom оценки государства служат такие критерии, как, например, законодательные требования и права человека, то цифровые корпорации ориентируются на размытые community standards, которые не всегда четко доводятся до пользователей, и предоставляют цифровым платформам широкие пределы усмотрения в оценке контента. Как следствие, отдельные материалы, в целом соответствующие национальному законодательству, могут быть признаны несовместимыми с правилами платформ и ограничены. В литературе отмечается, что для многих платформ актуальными являются такие размытые стандарты, как *безопасность, ожидания сообщества, приемлемость контента, соответствие контента пользовательским предпочтениям, польза для участников сообщества*⁹.

Указанная выше проблема уже получила пессимистичные оценки в юридической доктрине, где было даже предложено название для феномена ограничения основополагающих прав человека пользовательскими соглашениями — *«отказ от конституционных прав по контракту»*. Таким термином предлагается именовать включение владельцами цифровых платформ в пользовательские соглашения положений, деструктивных для ядра конституционных прав¹⁰. Поскольку платформы работают по принципу *‘take it or leave it’* (использование платформ невозможно без принятия условий пользовательских соглашений), пользователи «автоматически» принимают

⁷ См.: Terms of Services and Human Rights: analysis of Online Platform Contracts. Second Edition / Jamila Venturini, Luiza Louzada, Marilia Maciel, Nicolo Zingales, Konstantinos Stylianou and Luca Belli. Rio de Janeiro : Revan, 2016. 152 p.

⁸ См.: Google вменяют YouTube // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/22844/> (дата обращения: 01.08.2021).

⁹ Jorgensen R.F. What Platforms Mean When They Talk About Human Rights? // Policy and Internet. 2017. May. P. 280–296.

¹⁰ Human Rights in the Age of Platforms / ed. by R.F. Jorgensen. Cambridge, 2019.

порой невыгодные для себя и своей личной приватности «правила игры».

Сложившаяся и описанная выше практика, вне всякого сомнения, актуализирует необходимость разработки государством общих правил работы платформ, принципов их деятельности, правовых стандартов и условий ответственности за нарушения прав пользователей в их границах. Здесь мы выходим на вторую проблему, которая заключается в ограниченном арсенале государственного воздействия на платформенные корпорации.

2. Одним из значимых препятствий для безусловного внедрения общепризнанных стандартов в сфере прав человека в деятельность цифровых платформ служит *выведение последних из числа прямых адресатов императивов международного права в области прав человека*.

В целях восполнения этого пробела в течение последних десяти лет на межгосударственном уровне был принят целый ряд актов «мягкого права», носящих рекомендательный характер. В их числе Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН 2011 г., закрепившие корпоративную обязанность уважать права человека и оценивать свою деятельность с позиции этих прав, с одной стороны, и обязанность государства принять меры, направленные на соблюдение бизнесом законов и прав человека, с другой стороны. Документ приобретает особую значимость на фоне того, что большинство владельцев крупных цифровых платформ открыто заявляют о своей приверженности институту прав человека, в том числе нередко берут на себя функции защиты прав и интересов своих пользователей при рассмотрении поступающих в адрес платформ запросов об удалении определенного контента, предоставле-

нии данных пользователей, блокировка их аккаунтов¹¹.

Между тем более пристальный анализ политик ведущих цифровых платформ позволяет обнаружить принципиальное отличие их интерпретации содержания отдельных прав человека от традиционного понимания. Например, объявляя о высоких стандартах безопасности личных данных, операторы интернет-платформ понимают *приватность* не в контексте ограничений на сбор данных своих пользователей, а как *предоставление пользователям возможности управления своими данными, определения условий их предоставления и распространения*. Учитывая подобные и некие иные расхождения в трактовке базовых правовых категорий (которым сложно дать однозначную позитивную или негативную оценку), государству крайне важно вырабатывать основные «правила игры» цифровых корпораций совместно с представителями последних. В этом смысле следует приветствовать уже отмеченный выше опыт ФАС России по разработке принципов работы цифровых платформ при участии всех заинтересованных субъектов.

С учетом проанализированных выше проблем справедливыми видятся следующие ключевые рекомендации в целях более полного обеспечения прав человека в границах цифровых платформ.

Во-первых, крайне перспективным представляется отказ от реакционной модели взаимодействия государства с цифровыми платформами в пользу более полного развития *различных форм диалоговых механизмов*. В числе возможных, но далеко не единственных инструментов последней группы справедливо считать меры по взаимодействию государств с представительствами IT-компаний по вопросам соблюдения прав

¹¹ Jorgensen R.F. What Platforms Mean When They Talk About Human Rights? // Ibid. P. 280–296.

человека, поощрение принятия платформами правил, соответствующих основным международным стандартам, и проч.

Во-вторых, не меньшее значение будет приобретать гибкое реагирование традиционных правовых институтов на новые реалии платформенной экономики. К примеру, в последние несколько лет стала остро ощущаться необходимость трансформации национальных подходов регулирования труда с учетом широкой практики платформенной занятости. К настоящему моменту уже сложилась определенная судебная практика, исходящая из необходимости распространения на работников платформ базовых гарантий трудового законодательства¹², начали появляться первые национальные

¹² См.: Judgment Uber BV and others (Appellants) v Aslam and others (Respondents) given on 19 February 2021 // The Supreme Court of the United Kingdom. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2019-0029.html> (дата обращения: 01.08.2021).

законы о трудовом статусе работников платформ¹³. В 2021 году отмеченная проблема стала обсуждаться на уровне ЕС и МОТ¹⁴.

В-третьих, в российском контексте в целях более детального регулирования статуса цифровых платформ требуется принятие ряда шагов на уровне информационного законодательства. Указанные шаги должны прежде всего развивать концепцию платформ как информационных посредников, четко определить условия и пределы их ответственности за размещаемый в границах контент.

¹³ См.: Цифровые платформы: нужно ли защищать права курьеров, фрилансеров и таксистов? // EURONEWS. URL: <https://ru.euronews.com/next/2021/04/07/ru-rb-08-platform-work-master> (дата обращения: 01.08.2021).

¹⁴ См.: World Employment and Social Outlook 2021. The role of digital labour platforms in transforming the world of work (Full report) // International Labour Organisation. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749/lang--en/index.htm (дата обращения: 01.08.2021).

Литература

1. Пибаяев И.А. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи / И.А. Пибаяев, С.В. Симонова // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 31–50.
2. Human Rights in the Age of Platforms / ed. by R.F. Jorgensen ; foreword D. Kaye. Cambridge : The MIT Press, 2019. 392 p.
3. Jorgensen R.F. What Platforms Mean When They Talk About Human Rights? / R.F. Jorgensen // Policy and Internet. 2017. Vol. 9. Iss. 3. Special Issue: The Platform Society, Part 1. P. 280–296.

ЧИТАЙТЕ НАШИ ЖУРНАЛЫ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ!

Редакции Издательской группы «Юрист» важно расширение интереса к нашим журналам и увеличение объема глобального обмена знаниями и практическим опытом — с этой целью мы открываем бесплатный доступ к научным статьям, опубликованным в ряде наших изданий за 2020 год.

Для ознакомления с полными текстами научных трудов Вам необходимо перейти по ссылке: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2020/> и выбрать интересующий Вас журнал.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ антимонопольного регулирования в цифровую эпоху

ГУЛИЕВА ДИАНА ИВАНОВНА,

магистр программы «Конкурентное право»
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ)
dia.gulieva@mail.ru

Четвертая промышленная революция, происходящая под эгидой глобализации и цифровизации, бросает новые вызовы антимонопольному праву. Человечество живет в цифровой экономике, которая представляет собой систему хозяйствования, важным фактором производства в которой стала преобразованная в цифровую форму информация¹.

Нормативная основа новой экономики — Национальная программа «Цифровая экономика РФ». Одна из ее задач — создание гибкой системы правового регулирования, способной оперативно реагировать на экономические изменения в цифровых реалиях. Особой актуальности антимонопольного регулирования в цифровую эпоху способствует специфика цифровых рынков, характеризующихся высокой концентрацией капиталов, многосторонностью, построенными на цифровых платформах биз-

нес-моделями, использованием в экономической деятельности сетевых эффектов и больших баз данных.

Владение цифровыми платформами и большими базами данных стало ключевым фактором, определяющим рыночную силу хозяйствующего субъекта. Появилось цифровое неравенство, выражающееся в неравном доступе к информации и технологиям хозяйствующих субъектов. Доказательство неравенства — падение доходов предприятий малого и среднего предпринимательства на фоне укрупнения транснациональных корпораций и цифровых гигантов, получающих цифровые дивиденды².

Основные проблемы, от которых исходит потенциальная или реальная угроза конкуренции в современную эпоху, — это использование больших данных и сетевых эффектов с целью получения конкурент-

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // СПС «КонсультантПлюс».

² Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. С. 12.

ных преимуществ³. В результате сетевых эффектов экономический агент извлекает конкурентные преимущества от факта широкой распространенности своего продукта⁴. Бизнес-модели, основанные на пакетном предложении товаров и услуг, ведут к созданию экосистем и широкой монополизации одной корпорацией сразу нескольких рынков⁵.

Для борьбы с выделенными угрозами конкуренции нужно преобразование антимонопольного регулирования под цифровые реалии. Здесь возникает четыре основных вопроса. Встает проблема определения доминирующего положения субъекта на рынке; в связи с высокой концентрированностью цифровых рынков — проблема контроля экономической концентрации; с возникновением электронного товарооборота и возможностями осуществления сговора посредством электронной коммуникации и ценовых алгоритмов — проблема выявления и пресечения цифровых картелей. Дискуссионным оставался вопрос отмены антимонопольных иммунитетов для интеллектуальной собственности. По мнению ФАС, существующие иммунитеты в цифровую эпоху сдерживают развитие конкуренции и подлежат отмене⁶.

Для пресечения монополистической деятельности, активно осуществляющейся на цифровых рынках, важно выявление факта доминирующего положения субъекта на рынке. В условиях цифровой эпохи определение доминирования затрудняется, так как сложно учесть

все факторы, влияющие на рыночную власть⁷.

Под доминирующим понимают положение хозяйствующего субъекта на рынке, позволяющее ему оказывать влияние на конкуренцию через воздействие на условия обращения товаров, устранение с рынка других хозяйствующих субъектов или затруднение им доступа. По сути, это объективное экономическое положение субъекта, характеризующееся наличием особого правового статуса и рыночной власти, выявляемое посредством определенных критериев⁸. Доминирующее положение традиционно определяется с помощью установления количественных и качественных критериев. Количественный критерий показывает размер занимаемой субъектом рыночной доли. Качественные раскрывают сущность поведения экономического агента⁹. Оценивают, является ли власть субъекта достаточной для влияния на условия обращения товара, недопуска новых игроков или устранения конкурентов. Обычно требуется установление обоих критериев, но на практике количественный критерий обладает приоритетом¹⁰.

Значение количественного критерия теряет свою актуальность в случае с цифровыми гигантами. Рыночная власть экономических субъектов уже не коррелирует с занимаемой ими рыночной долей. Инновационные компании со сравнительно незначительными долями способны влиять на товарооборот, диктовать иным участни-

³ Russo F. Defining the relevant market in the sharing economy // *Internet Policy Review*. 2016. № 5 (2).

⁴ Гаврилов Д.А. Вызовы для антимонопольного регулирования в цифровую эпоху // *Вестник МГЮА*. 2017.

⁵ Katz M.L. Systems competition and network effects // *Economic perspectives*. 1994. Vol. 8 (2).

⁶ Акифьева А.А. Отмена «антимонопольных иммунитетов» для интеллектуальной собственности: за и против // *Конкуренция и право*. 2016. № 4. С. 36–39.

⁷ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. С. 61.

⁸ Паращук С.А. Доминирующее положение хозяйствующего субъекта как базовая категория законодательства о защите конкуренции // *Предпринимательское право*. 2014. № 2. С. 46–53.

⁹ Паращук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М.: Городец, 2002. С. 123.

¹⁰ Разъяснения ФАС № 8 «О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции».

кам рыночных отношений модели поведения, устранять конкурентов. Такой властью субъекта наделяет цифровая платформа или владение большими данными. Платформа является площадкой для взаимодействия продавцов и покупателей¹¹. Владелец такой платформы, связывая предпринимателей с разных рынков, устанавливает власть не только на рынке собственных услуг, но и на других рынках¹². Компании реального сектора вынуждены делить с ним прибыль¹³.

Показательна здесь недавняя правоприменительная практика. В ноябре 2019 г. ФАС выдала предписание в отношении онлайн-сервиса по бронированию отелей booking.com, обвинив его в злоупотреблении доминирующим положением. Сервис ограничивал конкуренцию на рынке путем установления паритета цен: отелям запрещалось на иных агрегаторах устанавливать цены ниже, чем на booking.com. Ранее ФАС уже проводила проверку сервиса по жалобе Минкультуры, но доминирующего положения не установила, в силу недостаточной рыночной доли¹⁴.

Количественный критерий на цифровых рынках сложно посчитать. Затруднителен подсчет объемов возвращаемого на данном рынке товара, так как цифровые товары физически не находятся в обороте. Нужна выработка новых единиц измерения, таких как количество аккаунтов и пользователей, количество бронирований на онлайн-сервисах. Вопросы порядка проведения анализа конкуренции регу-

лируются приказом ФАС № 220, его нужно дополнить нюансами анализа цифровых рынков.

На Западе при установлении доминирования применяется критерий наличия входных барьеров. Качественные критерии, установленные в ЗоЗК, фактически о том же. Субъект доминирует, если может создавать препятствия для входа на рынок новым игрокам. В условиях цифровой экономики таких барьеров для входа много. Например, владелец цифровой платформы не просто получает лидерство на определенном рынке, но и удерживает его, наращивая предпринимательскую мощь благодаря сетевым эффектам¹⁵. Еще один серьезный барьер входа — укрупнение инновационной компании до экосистемы. Такой гигант начинает пакетное предложение различных продуктов, за счет экономии на масштабе быстро развивается и не дает войти на рынок новым фирмам, не вооруженным более экономной технологией производства¹⁶.

Еврокомиссия также использует критерий рыночной власти потребителей¹⁷. Этот критерий прямо не указан в российском законе, однако разъяснения ФАС подводят под злоупотребление доминирующим положением не только ограничение конкуренции, но и ущемление интересов независимого круга потребителей¹⁸. Пример: компания, владеющая большими данными, может злоупотребить доминирующим положением, накопив информацию о предпочтениях, запросах пользователей для дальнейшего

¹¹ Peitz M. Platforms and network effects. URL: https://madoc.bib.uni-mannheim.de/41306/1/16-14_Belleflamme%20Peitz.pdf (дата обращения: 14.09.2021).

¹² Auer D., Petit N. Two-Sided Markets and the Challenge of Turning Economic Theory into Antitrust Policy // The Antitrust Bulletin. 2015.

¹³ Shelanski H. Information, Innovation, and Competition Policy for the Internet. P. 1676.

¹⁴ Предупреждение ФАС от 12 ноября 2019 г. № ИА/99021/19.

¹⁵ Belleflamme P., Peitz M. Platforms and network effects. 2016. P. 3.

¹⁶ Cremer J. Competition policy for the digital era. Publications Office of the European Union, 2019. P. 20.

¹⁷ Артемьев И.Ю., Пузыревский С.А. Конкурентное право России. М., 2014. С. 104.

¹⁸ Разъяснения Президиума ФАС России № 15 «О привлечении к ответственности за злоупотребления доминирующим положением хозяйствующих субъектов».

навязывания им невыгодных условий контракта¹⁹.

Деятельность экосистем, предлагающих совместимые товары, тоже создает угрозу рыночной силе потребителей. С одной стороны, получать все совместимые блага от одной компании удобно. Но потребители становятся зависимы от такого рыночного гиганта, в последствии он может повышать цены, ухудшать качество²⁰. Об этих аспектах не надо забывать при определении доминирующего положения цифровых гигантов.

Установлению доминирования предшествует анализ рынка. Традиционно он состоит из установления географических и продуктовых границ. В условиях цифровой экономики наблюдаются две противоречивые тенденции — расширения и сужения границ товарных рынков. Сужение границ происходит за счет персонализации товаров и услуг. Расширение — в силу того, что технологии часто многофункциональны, разные технологии могут использоваться для одной цели, потребители могут воспринимать их как взаимозаменяемые²¹. Яркий пример — решение Еврокомиссии по делу поглощения Facebook и WhatsApp. Комиссия признала размытость продуктовых границ между социальными сетями и мессенджерами, сочла нецелесообразным проводить четкие продуктовые границы²².

В связи с высокой динамикой рынков ФАС важно проводить перспективный анализ рынка, учитывающий потенциал компаний, с учетом сетевых эффектов и использованием компанией различных бизнес-моделей при пакетном предложении

продуктов. Если продавцы и покупатели платформы не взаимодействуют напрямую, для каждой из сторон устанавливается свой релевантный рынок. При непосредственном взаимодействии рынок определяется как единый многосторонний²³.

Преобразованный анализ актуален и для экономической концентрации на цифровых рынках. Под экономической концентрацией понимаются сделки и иные действия, оказывающие воздействие на состояние конкуренции на рынке. Антимонопольный контроль осуществляется за действиями по созданию, реорганизации юридических лиц, сделками с акциями и имуществом компаний. Он выполняет превентивную функцию²⁴. Предотвращает с помощью государственного регулирования процессов увеличения долей крупных компаний возможное антиконкурентное поведение²⁵.

Какие правовые проблемы регулирования концентрации в цифровой экономике? Прежде всего это недостаточность критериев контроля. Традиционно принято выделять экономические критерии суммарного размера активов хозяйствующего субъекта и размера выручки от реализации продукции. Для каждого действия или вида сделки ЗоЗК установил свои предельные показатели по перечисленным критериям, превысив хотя бы один из которых сделка, действие подлежат контролю²⁶.

Применительно к цифровым компаниям критерии, связанные с финансовой деятельностью фирмы, теряют актуальность. Так как инновационные компании часто владеют небольшими оборотами, однако их

¹⁹ Синоков В.М., Егорова М.А. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях. М., 2019. С. 172.

²⁰ Khan L. M. Amazon's Antitrust Paradox // Yale Law Journal. 2016. P. 746.

²¹ Russo F. Defining the relevant market in the sharing economy // Internet policy review. 2016. Vol. 5. № 2.

²² Case M.7217 Facebook / WhatsApp. 03.10.2014. Para 62.

²³ Коваленко А.И. Проблематика исследований многосторонних платформ // Современная конкуренция. 2016. Т. 1. № 3. С. 64–90.

²⁴ Паращук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М., 2002. С. 136.

²⁵ Артемьев И.Ю., Пузыревский С.А. Указ. соч. С. 213.

²⁶ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Ст. 27, 28 // СПС «КонсультантПлюс». Далее — ЗоЗК.

стоимость бывает высокой. Инвесторы готовы отдавать за них большие суммы, понимая потенциал достижения ими гигантских оборотов благодаря мощной динамике развития. Законодатель пришел к выводу о целесообразности введения такого условия одобрения, как цена сделки. Поправками к ЗоЗК предусмотрено установление значения в 7 млрд руб., сделки выше этой цены подлежат проверке.

Стало сложнее заранее определять весь спектр возможных негативных последствий от сделок и иных действий. Ведь слияния и поглощения часто совершаются не с целью контроля цен на рынке, а для получения доступа к большим данным. Владение одной компанией такими данными может существенно влиять на состояние конкуренции на рынке²⁷. Поэтому антимонопольному органу при одобрении сделок важно оценить все возможные преимущества, которые компании получают после объединения своих массивов данных. Яркий пример из практики ФАС — слияние Bayer AG и Monsanto Company. Слияние было одобрено только под условием передачи компаниями России ряда селекционных технологий и иной важной сельскохозяйственной информации. По мнению ФАС, компании владеют ключевыми данными о генетических и селекционных технологиях, часть информации должна оставаться доступной для других игроков рынка, иначе ограничится конкуренция²⁸.

При одобрении сделок концентрации ФАС стоит учитывать влияние на инновации, которые окажет сделка. Как известно, сильная конкуренция на рынке способствует внедрению инноваций, прогрессивным исследованиям. А при слиянии или

поглощении может случиться демотивация возникшей фирмы к развитию инноваций. Эту угрозу нужно предотвращать на этапе предварительного контроля²⁹.

Эффективный антимонопольный контроль невозможен без урегулирования процедурных моментов. Здесь важным нововведением является создание института доверенных лиц. Они привлекаются в случаях, когда ФАС сложно самостоятельно провести мониторинг. Такое лицо может помогать и сторонам сделки³⁰. Цель деятельности — обеспечение эффективного исполнения предписаний антимонопольного органа³¹.

Большая правовая проблема связана с выявлением и пресечением цифровых картелей. Картель как соглашение между двумя субъектами-конкурентами наносит ущерб в 2% от ВВП. Борьба с ними — приоритетная задача ФАС³². Выделяют два основных вида картелей: на товарных рынках и на торгах. Касается товарных рынков, ценообразование с помощью алгоритмов и большие данные стали дополнительной возможностью для осуществления сговора³³. Но ФАС использует эти же технологии для анализа оцифрованных данных о деятельности заговорщиков и пресечения картеля.

Большинство сговоров происходит на торгах, с использованием цифровых программ и аукционных роботов. Традиционный перечень доказательств выявления

²⁷ Stucke M., Grunes A. Big Data and Competition Policy. Oxford Univ. Press, 2016. P. 32.

²⁸ Решение ФАС № ИА/28184/18.

²⁹ Некрасова Е.А. Инновационный фактор при принятии решений по сделкам экономической концентрации // Проблемы современной экономики. 2013. № 3.

³⁰ Davidson K. The FTC Monitor Trustee. URL: <http://www.antitrustinstitute.org/node/10151> (дата обращения: 14.09.2021).

³¹ Иванов А.Ю. Институт доверенного лица и антимонопольное регулирование цифровой экономики // Закон. 2018. № 7.

³² План деятельности Федеральной антимонопольной службы на 2019–2024 гг. URL: <https://fas.gov.ru/documents/683528> (дата обращения: 14.09.2021).

³³ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции / под ред. А.Ю. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войничанис. С. 175.

картеля неактуален для цифровых картелей. Их доказывают цифровые следы: одинаковые IP-адреса, шрифты, свойства электронного файла (место и время составления, автор)³⁴. Для пресечения цифровых картелей ФАС разработала многометрическую систему мониторинга «Большой цифровой кот», анализирующую большие данные с цифровых площадок на предмет выявления антиконкурентного поведения участников торгов.³⁵ Пересмотрена конфиденциальность информации в Федеральном законе «О связи»: в рамках расследования картелей ФАС предоставлено право получения результатов ОРД.

Вопреки назревшему мнению о невозможности обеспечения свободы конкуренции в цифровую эпоху³⁶, нельзя забывать, что конкуренция — общественное благо и правовая ценность³⁷. Конкуренция нуждается в защите, но регулирование должно быть взвешенным, дабы не навредить инновационному развитию.

Главная задача права — предотвращение злоупотребления с использованием цифровых технологий и данных, снижение барьеров доступа к ключевым технологиям. Разработка мер противодействия ограничению конкуренции на цифровых рынках должна учитывать все особенности этих рын-

ков, связанные с использованием больших данных для целей монополизации рынка и сетевых эффектов от цифровых платформ.

Прежде всего разработан понятийный аппарат, определяющий понятия цифровой платформы, цифровой услуги, сетевых эффектов, ценовых алгоритмов. Пересмотрены критерии определения доминирующего положения субъекта на рынке, для того чтобы субъекты, извлекающие конкурентные преимущества от сетевых эффектов цифровой платформы, могли быть отнесены к данной категории. Критерии контроля экономической концентрации учитывают объем совершаемой сделки. Важна попытка выявления скрытых целей слияния компаний, для того чтобы предотвратить слияние баз данных.

Следует привести в соответствие аналитический инструментарий: разработать современные правила и методы экономического анализа рынка и определения товарных границ. Без использования передовых технологий невообразим экономический анализ по выявлению картелей³⁸. В части противодействия цифровым картелям нужно установить четкие требования к использованию компаниями ценовых алгоритмов, дабы они не использовались с целью координации действий конкурентов. Расследование картелей должно происходить с помощью технологий анализа данных³⁹.

³⁴ Хамуков М.А. Электронные доказательства картелей на торгах // Вестник МГЮА. 2017. № 9.

³⁵ Интервью с А.П. Тенишевым // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ Stiglitz J. Monopoly's New Era. URL: <https://www.socialeurope.eu/monopolys-new-era> (дата обращения: 14.09.2021).

³⁷ Паращук С.А. Понятие конкуренции как общественного блага по российскому правопорядку // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики. М. : Юстициформ, 2019. С. 274.

³⁸ Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1.

³⁹ Антимонопольное регулирование: перевод в цифру. URL: <http://www.cljournal.ru/vibor/207/> (дата обращения: 14.09.2021).

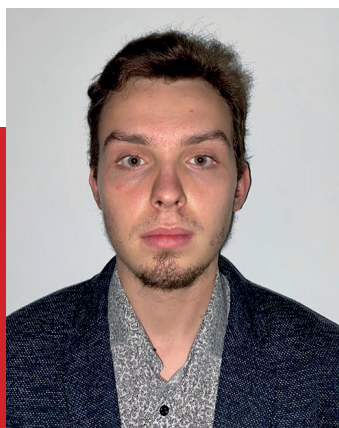
Литература

1. Акифьева А.А. Отмена «антимонопольных иммунитетов» для интеллектуальной собственности: за и против / А.А. Акифьева // Конкуренция и право. 2016. № 4. С. 36–39.
2. Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики / В.А. Вайпан // Право и Бизнес. 2018. № 1. С. 12–17.

3. Гаврилов Д.А. Вызовы для антимонопольного регулирования в цифровую эпоху / Д.А. Гаврилов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 9 (37). С. 48–56.
4. Иванов А.Ю. Институт доверенного лица и антимонопольное регулирование цифровой экономики / А.Ю. Иванов, Е.А. Войниканис // Закон. 2018. № 7. С. 134–147.
5. Коваленко А.И. Проблематика исследований многосторонних платформ / А.И. Коваленко // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 3 (57). С. 64–90.
6. Конкурентное право России : учебник / Д.А. Алешин [и др.] ; ответственные редакторы И.Ю. Артемьев, С.А. Пузыревский, А.Г. Сушкевич. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 493 с.
7. Некрасова Е.А. Инновационный фактор при принятии решений по сделкам экономической концентрации / Е.А. Некрасова // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 116–120.
8. Паращук С.А. Доминирующее положение хозяйствующего субъекта как базовая категория законодательства о защите конкуренции / С.А. Паращук // Предпринимательское право. 2014. № 2. С. 46–53.
9. Паращук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии) : учебно-практическое пособие / С.А. Паращук. Москва : Городец, 2002. 413 с.
10. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте : монография / С.Г. Абрамов [и др.] ; под общей редакцией В.Н. Синюкова, М.А. Егоровой. Москва : Проспект, 2019. 238 с.
11. Хамуков М.А. Электронные доказательства картелей на торгах / М.А. Хамуков // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 9 (37). С. 57–61.
12. Цариковский А.Ю. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции : цифровая идентичность, сетевые эффекты, ценовые алгоритмы, цифровые платформы, большие данные, многосторонние рынки / А.Ю. Цариковский [и др.] ; под редакцией А.Ю. Цариковского [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 391 с.
13. Auer D. Two-Sided Markets and the Challenge of Turning Economic Theory into Antitrust Policy / D. Auer, N. Petit // The Antitrust Bulletin. 2015. Vol. 60. Iss. 4. P. 1–59.
14. Belleflamme P. Platforms and network effects / P. Belleflamme, M. Peitz // Working Paper Series. Working Paper 16-14. University of Mannheim. Department of Economics, 2016. 38 p.
15. Cremer J. Competition policy for the digital era : Final report / J. Cremer, Y. de Montjoye, and H. Schweitzer. Publications Office of the European Union, 2019. 127 p.
16. Davidson K.M. The FTC Monitor Trustee : Commentary / K.M. Davidson. 2005. 12 p.
17. Russo F. Defining the relevant market in the sharing economy / F. Russo // Internet Policy Review. 2016. Vol. 5. Iss. 2. P. 1–13. DOI: 10.14763/2016.2.418
18. Stucke M. Big Data and Competition Policy / M. Stucke, A. Grunes. Oxford University Press, 2016. 368 p.

ОБЗОР.

Регулирование института деловой репутации (гудвилла) Типовым контрактом франчайзинга Международной торговой палаты и применимость его положений в российском правопорядке

ЛАПИН СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

студент 4-го курса Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)
serzhlapin@bk.ru

Одной из модификаций торговых отношений, обеспечивающей гибкость поведения различных субъектов в зависимости от той или иной рыночной структуры на международном уровне является франчайзинг, который представляет собой модель взаимоотношений рыночных субъектов, при которой одна сторона производит передачу другой стороне комплекса исключительных прав (включающего в себя, например, право на товарный знак, ноу-хау, знак обслуживания и т.д.).

Важным документом нового *lex mercatoria* в этом направлении служит Типовой контракт франчайзинга Международной торговой палаты. Он был разработан в 2000 г. и известен как публикация

МТП № 557. По сути, это типовый договор, направленный на продвижение товаров в сфере франчайзинговых отношений, который содержит единые правила, рекомендованные Международной торговой палатой участникам этих правоотношений. Основными причинами составления этого договора являются отсутствие до этого момента международной унификации франчайзинга и существовавшая в связи с этим необходимость обращения трансграничных контрагентов к внутреннему законодательству, вследствие чего на международном уровне возникали трудности с составлением проформ подобных договоров. Правила, согласованные на транснациональном уровне (прежде всего применение Типового

контракта мыслилось в Европейском союзе; далее — ЕС)¹, в основном затрагивали анти-монопольные аспекты договора (например, влияние определенных ограничительных положений на исключительность территории) и не регулировали многие конкретные вопросы сторон соглашения о франчайзинге².

Типовой контракт международного франчайзинга предлагает кандидатам-франчайзерам и франчайзи гибкие решения, которые точно отвечают потребностям бизнеса в правовой определенности и соблюдении общепринятой практики. В настоящее время одним из основных трендов франчайзинга стала растущая клиентоориентированность³: все большее распространение получали бизнес-модели, позволяющие персонализировать продукт или адаптировать его под потребности клиентов, в связи с чем возникает объективная возможность более активного включения деловой репутации в комплекс исключительных прав.

По сути, гудвилл представляет собой «доброе имя фирмы» и подразумевает нематериальные активы компании, складывающиеся из «престижа компании, его деловой репутации, взаимоотношений с клиентами, местонахождения, номенклатуры производимой продукции»⁴. Типовой контракт не дает точного определения гудвилла, вместе с тем мыслится возможным подвести данное явление под понятие, выработанное ЕСПЧ, который позиционировал гудвилл как вид имущества, обладающий определенной ценностью, «вытекающей из существа частных

прав», а следовательно являющейся потенциальным активом, который может служить имуществом по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции по правам человека⁵. Во всяком случае гудвилл позиционируется как объект коммерческих правоотношений, что влечет за собой полноценность его защиты как объекта гражданских правоотношений. Более того, теоретически гудвилл может быть отнесен к «иным исключительным правам» в соответствии со ст. 132 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), являясь частью имущественного комплекса предприятия. Данным выводам корреспондирует ст. 10 Вводной части Типового контракта МТП, в соответствии с которой «в некоторых исключительных случаях суды могут найти способ предоставить франчайзи компенсацию за добрую волю или аналогичное вознаграждение в случае расторжения контракта», что мыслится как возмещение убытков за неосуществленную вследствие расторжения, но потенциально осуществимую и придерживаемую на практике активность франчайзи в тех рамках, которые соответствуют параметрам гудвилла. Вместе с тем типовой контракт делает оговорку о применимости данной нормы в Австрии и Германии, и по общему правилу в ст. 28 типового контракта указано, что в случае расторжения договора деловая репутация не возмещается стороной в качестве убытков. Вместе с тем применение данного механизма в вышеупомянутых государствах указывает на возможность имплементации такой нормы в отечественном правовом порядке ввиду сходства частноправового регулирования в странах романо-германской семьи. Российский правовой порядок в вопросах гудвилла придерживается термина «деловая репутация». Вместе с тем стоит отметить, что понятие «гудвилл» гораздо шире по значению. Более того, термин «деловая репутация» используется для обозначения деловой репу-

¹ Stetsiuk B., Miroshnychenko Y., Dudko P. International franchise agreement // *Baltic Journal of Economic Studies*. 2018. Vol. 4. № 5.

² Договорное право в международном обороте / Н.Г. Вилкова. М.: Статут, 2002. 511 с.

³ Franchise Business Economic Outlook 2020 / International Franchise Association. URL: <https://www.franchise.org/franchise-information/franchise-business-outlook/franchise-business-economic-outlook-2020> (дата обращения: 12.09.2021).

⁴ Игумнов Е.Ю. Гудвилл и его оценка в российской и международной практике // *Молодой ученый*. 2018. № 2 (188). С. 58–61.

⁵ ECHR. *Buzescu v. Romania*. Judgment of 24 May 2005. § 80.

тации бизнеса, вместе с тем в литературе отмечалось, что гудвилл подразумевает не только деловую репутацию бизнеса, например в экономических интересах для целей бухгалтерского учета⁶, но и те нематериальные аспекты, из которых она складывается⁷.

Типовой контракт МТП в ст. 20.1 (открывающей комплекс норм, посвященных порядку передачи исключительных прав) дает вариант проформы, согласно которой «Франчайзи признает, что Франчайзер является владельцем или имеет право использовать все права интеллектуальной собственности, относящиеся к бизнес-модели, и связанную с ними деловую репутацию и что использование деловой репутации и комплекса прав интеллектуальной собственности должно осуществляться исключительно в целях принесения положительных эффектов Франчайзеру (*for the benefit exclusively*)». В российском законодательстве такой норме можно найти аналог в ст. 1032 ГК РФ, где в обязанности франчайзи (именуемого «пользователем» по договору коммерческой концессии) входит соблюдение инструкций и указаний правообладателя, направленных на обеспечение соответствия характера, способов и условий использования комплекса исключительных прав тому, как он используется правообладателем.

Наконец, ст. 20.11 Типового контракта МТП закреплена обязанность франчайзи прямо признавать и соглашаться с тем, что вся деловая репутация, возникающая в результате использования франчайзи прав интеллектуальной собственности в соответствии с франчайзинговой системой, используется в интересах франчайзера и по истечении или расторжении договора никакая денежная сумма не будет назначена в качестве относящейся к любой деловой репутации, связанной с использованием франчайзи системы или комплекса прав интеллектуальной собственности. В то же время российское законодательство позиционирует определенные сложности с внедрением гудвилла в конструкцию франчайзинга: гудвилл включается в бухгалтерском балансе в состав внеоборотных активов и раскрывается отдельно от нематериальных активов⁸ с учетом в качестве отдельного инвентарного объекта. Происходит это в связи с тем, что, несмотря на то что учет гудвилла регулируется МСФО 38 «Нематериальные активы»⁹, гудвилл не обладает всеми свойствами нематериальных активов (идентифицируемость, контроль, возможность корректной оценки и признания), что не соответствует нормам Руководства Типового контракта МТП.

⁶ Приказ Минфина России от 27 декабря 2007 г. № 153н (ред. от 16.05.2016) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Учет нематериальных активов” (ПБУ 14/2007)» (зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2008 № 10975).

⁷ Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса. М.: Статут, 2013. С. 13.

⁸ Беленькая О. Анализ корпоративных слияний и поглощений // Управление компанией. 2001. № 2. С. 49–54.

⁹ Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 38 «Нематериальные активы» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н) (ред. от 14.12.2020).

Литература

1. Беленькая О. Анализ корпоративных слияний и поглощений / О. Беленькая // Управление компанией. 2001. № 2. С. 49–54.
2. Договорное право в международном обороте / Н.Г. Вилкова. Москва: Статут, 2002. 511 с.
3. Ершова Е.А. Гудвилл бизнеса / Е.А. Ершова. Москва: Статут, 2013. 221 с.
4. Игумнов Е.Ю. Гудвилл и его оценка в российской и международной практике / Е.Ю. Игумнов // Молодой ученый. 2018. № 2 (188). С. 58–61.
5. Stetsiuk V. International franchise agreement / V. Stetsiuk, Y. Miroshnychenko, P. Dudko // Baltic Journal of Economic Studies. 2018. Vol. 4. Iss. 5. P. 332–337.

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ шахматных партий

ВЫСОЦКИЙ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ,

студент 4-го курса Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)
vppk1p@mail.ru

Юриспруденция и шахматы взаимосвязаны. Об этом свидетельствуют многие факты, начиная с великих шахматистов прошлого, имевших юридическое образование, и заканчивая студенческими турнирами в современной России, на которых студенты юридических факультетов успешно выступают за сборные команды. Также нельзя не упомянуть и о том, что регулирование шахматных турниров происходит в том числе и с помощью нормативно-правовых актов.

История возникновения и развития права длится с первобытных общин, в то время как история шахмат тянется, по оценкам ученых, «всего лишь» не менее полутора тысяч лет. Родиной шахмат предположительно является Древняя Индия, где существовала игра под названием «чатуранга», имевшая определенное сходство с современными шахматами.

В России шахматы появились достаточно давно. Считается, что шахматы попали на Русь где-то в X веке с помощью торговых путей, в том числе через Волжский торговый путь. Это подтверждается названи-

ем фигур, которые во многом ближе к словам из восточных языков, а не европейских. Многие играли в шахматы на заре Руси, однако большую часть Средневековья шахматы были под запретом церкви как азартная игра, что считалось грехом. В те времена воля церкви выступала императивным правилом, фактически законом и шахматы становились запрещенной игрой под угрозой отлучения от церкви, подтверждение чему можно найти в таких документах, как Кормчая книга 1262 г., и в документах Стоглавого собора 1551 г.

Примерно с XVII–XVIII вв. в России шахматы разрешены и признаются одним из национальных достояний и видов спорта. Стоит вспомнить только мастеров А.Д. Петрова, К.А. Яниша, М.И. Чигорина, С.З. Алапина и др.

Шахматные игры регулируются рядом нормативных актов. На международном уровне это совокупность нормативных актов, изданных Международной шахматной федерацией. Они регулируют всю совокупность проводимых национальными и международной федерациями турниров в разных

возрастах (от турниров кадетов до 8 лет до турниров шахматистов от 65 лет и старше) и с разным контролем времени (выделяют классические шахматы, быстрые шахматы (рапид) и блиц). Также изданы документы, регулирующие турниры шахматистов — лиц с ограниченными возможностями здоровья и шахматные партии с компьютерами. К национальному законодательству можно отнести прежде всего нормативные акты, изданные Министерством спорта Российской Федерации, и документы, регулирующие деятельность Федерации шахмат России. Кроме того, всегда действуют правила игры Международной шахматной федерации, последняя редакция которых вступила в силу 1 января 2018 г.

Один из дискуссионных вопросов правового регулирования шахматных игр относится к сфере интеллектуальной собственности. Согласно ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) ряд результатов интеллектуальной деятельности охраняется законом. В соответствии с разделом VII ГК РФ, посвященным правам на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, объекты авторского права подлежат правовой защите. По нашему мнению, обязательной защите авторским правом должны подлежать записи конкретных партий и статьи, в которых дан анализ данных партий. Данные записи и статьи представляют собой важный объект интеллектуального права, они содержат результат интеллектуальной деятельности всех шахматистов, имеющих к ним отношение. Их можно отнести к «другим произведениям», исходя из толкования ст. 1259 ГК РФ. Часть таких записей или ходов известна мировому сообществу, и им присвоены имена великих шахматистов, развивших те или иные дебюты.

Стоит упомянуть о том, что судьба авторского права на шахматные партии в виде за-

писи ходов может регулироваться непосредственно правилами проводимых турниров или локальными нормативными актами отдельно взятых турниров под эгидой Федерации шахмат России (ФШР) или Международной шахматной федерации (ФИДЕ).

В судебной практике также есть дела и постановления, связанные с авторским правом и шахматами. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» формализовало отсутствие в шахматной партии признаков объекта авторского права (см. п. 21 постановления)¹.

Говоря о конкретных делах, стоит вспомнить два исковых заявления Е.Э. Свешникова (первый в городе Челябинске, второй² в городе Москве) о признании соавторства на шахматные партии и возмещении убытков. Исковое заявление, рассмотренное в Челябинске, имело результатом признание судом авторских прав истца на сыгранные партии. Во втором заявлении, ответчиком по которому были создатели программы ChessAssistant (в компьютерной базе программы на тот момент находилось более 1000 партий с участием истца, включая партии, сыгранные на 52-м чемпионате России 1999 г., в регламенте которого было указание на то, что права на распространение партий принадлежат игрокам) истец требовал признания его соавторства в указанных партиях, запрета на использование ответчи-

¹ Российская газета. 2006. 28 июня. Несмотря на то что в настоящее время документ утратил силу в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», он содержит важное уточнение правовой позиции правоприменителя о статусе шахматной партии как объекта авторского права.

² Решение Басманного районного суда г. Москвы от 26 июля 2002 г. по гражданскому делу № 2-3775/02 по иску Свешникова Е.Э. к ЗАО «ИнформСистемы» о признании соавторства на шахматные партии и возмещении убытков.

ком его имени и партий в своей базе, а также выплаты денежной компенсации за нанесенный ущерб. Басманный суд города Москвы своим решением отказал в иске, исходя из того, что суд не счел шахматную партию объектом авторского права. В качестве основного аргумента послужило то, что, несмотря на творческий характер самой игры, запись ходов представляется механическим процессом, следовательно, не является произведением. Суд высшей инстанции согласился с этим доводом и отклонил апелляцию.

Таким образом, взгляды на запись ходов шахматной партии как на объект авторского права весьма разнообразны.

Кроме того, стоит вспомнить иск наследников чемпиона мира по шахматам М.М. Ботвинника о защите авторских прав, однако там речь шла уже о конкретном литературном произведении, что упрощало принятие решения судом. Иск был подан наследниками гроссмейстера к издательству «Рипол классик» в Таганский районный суд города Москвы. В книге С. Воронкова, выпущенной издательством, были неправомерно использованы объекты авторского права, а именно десять партий, которые были прокомментированы М.М. Ботвинником. Судом было принято решение о взыскании с ответчика денежной компенсации и запрете переиздания книги «Шедевры и драмы чемпионатов СССР» и выпуска дополнительного тиража данной книги. По другой книге, вышедшей у этого же издательства, было заключено мировое соглашение, по результатам которого издательство должно выплатить компенсацию за неправомерное использование трех партий с примечаниями известного советского шахматиста.

Обратимся к мировой практике.

История данного вопроса длится еще с первого международного шахматного турнира в Лондоне в 1851 г., правила которо-

го предполагали плату за передачу игрокам их партий, одновременно запрещая дальнейшую публикацию таковых при отсутствии согласия организаторов. В дальнейшем как во второй половине XIX в., так и в XX в. велась дискуссия между многими игроками, в том числе и чемпионами мира, и организаторами турниров по поводу авторских прав на партии и выплаты роялти игрокам. Позиция Международной шахматной федерации менялась в течение XX в.: в 1916 г. было опубликовано официальное письмо федерации, в котором она заявила о том, что запись шахматной партии не является объектом авторского права, в отличие от статьи с комментариями к ней, а в 1997 г. комитет, собранный ФИДЕ, в своем решении признал шахматную партию объектом авторского права, за использование которого следует платить.

Кроме того, шахматной игре свойственны свои правила и язык. Этот язык связан прежде всего с теми обозначениями, которыми помечены клетки игровой доски для шахмат, и буквенными обозначениями фигур на английском и русском языках. Здесь уместна аналогия с юридическим языком, который также имеет свои правила использования и толкования, зачастую устанавливаются специальными отраслевыми регламентами.

Конечно, связь юриспруденции и шахмат не ограничивается спорами об авторских правах. История шахмат знает множество примеров, когда право и шахматы пересекались в биографиях знаменитых людей. Вот несколько примеров выдающихся спортсменов, которые были связаны с правом. *Пол Морфи* — один из сильнейших мировых шахматистов XIX в. Он считался неофициальным чемпионом мира (турниры за шахматную корону начали проводиться намного позже), был адвокатом, получив юридическое образование в университете штата Луизиана. Его стиль игры поражал многих, однако судьба сложилась так,

Корнеев Александр Леонидович, президент Студенческого шахматного клуба Юридического факультета МГУ, к.ю.н., доцент кафедры экологического и земельного права МГУ: «Студенческий шахматный клуб Юридического факультета МГУ был создан в 2008 г., и в 2013 г. с переездом Юридического факультета в современный корпус получил новый виток развития. Под эгидой клуба проводятся ставшие популярными среди юридических вузов Москвы командные шахматные турниры, традиционно входящие в программу Московских юридических недель, широко известен международный ежегодный фестиваль «Кубок декана Юридического факультета», регулярно собирают гостей вечера-встречи со знаменитыми спортсменами и популяризаторами шахмат, шахматные турниры и товарищеские матчи. Для студентов 1-го и 2-го курсов Юридического факультета МГУ в рамках учебного процесса проводятся занятия по шахматам, альтернативные занятиям по физкультуре. Шахматы развивают логическое и аналитическое мышление, творческое начало и концентрацию внимания, тренируют усидчивость, умение планировать и моделировать свои действия, что весьма полезно будущим юристам».

Во время занятия в Студенческом шахматном клубе Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

что полноценного успеха он не добился ни в шахматах, ни в адвокатской деятельности. Вместе с тем изучение его партий считается одним из важных шагов при постижении глубин шахматной теории и практики. Вторым человеком, тесно связанным с обоими мирами, был *Александр Александрович Алехин* — юрист по образованию и четвертый чемпион мира. Человек с поистине тяжелой судьбой, в чьих глазах некоторые шахматисты отмечали тоску по Родине в период его проживания за границей, он все же оставался в душе уроженцем Москвы и России, какое бы официальное название она ни носила. И представлял большую часть своей шахматной карьеры именно Российскую империю и СССР. И пусть его шахматная карьера сложилась намного удачнее, чем карьера юриста, он все равно останется первым русским чемпионом мира по шахматам и юристом.

Шахматы помогают юристам в развитии логического мышления и построении аргументации. Просчет шахматных вариантов во время партии и анализ как своих партий,

так и партий, сыгранных великими шахматистами, позволяют расширить понимание построения логически связанных цепочек, что с легкостью возможно перенести на соответствующие элементы в практике юристов. В некоторых юридических вузах и на факультетах создаются шахматные кружки и секции. Такая взаимосвязь юриспруденции и шахмат неоднократно подчеркивалась и созданием отдельного Шахматного клуба на Юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, имеющего право наравне со сборной университета представлять МГУ, и встречами сборной университета со сборной Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и многими другими примерами.

В заключение хотелось бы отметить, что правовое регулирование шахматных игр еще предстоит развивать, однако нет сомнений, что в условиях глобализации этот процесс будет проходить под надежным контролем не только российских юристов, но и других лидеров как в сфере шахмат, так и права.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ в уголовном праве: дискуссионные вопросы и перспективы

МУСТАФАЗАДЕ РОВШАН ШАХИН ОГЛЫ,

магистр кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова
romamustafaev1997@mail.ru

Позволим себе начать со слов, которые когда-то появились на свет из-под пера по воле Сёрена Кьеркегора: «Превосходство человека над животным заключается в том, что человек подвержен отчаянию»¹. И в этом отчаянии человек веками пытается узаконить это превосходство в рамках гуманного отношения. Это понижает и уголовно-правовые отношения. Однако уголовное право России не лишено дискуссионных вопросов.

Во-первых, само название — жестокое обращение с животными. Животные — это... Данная пауза порождает вопросительный знак. Даже обратившись к федеральным законам «О животном мире», «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «Об ответственном обращении с животными

и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и дальше по списку, мы понимаем, что данный знак сохраняет силу². А словарное значение, к которому прибегают некоторые авторы, слишком широк, ибо это «всякое живое существо, не являющееся человеком»³.

В связи с этим считаем, что следует по примеру ФРГ, ЮАР, Республики Индии, Украины, Киргизской Республики прямо предусмотреть, что животное в уголовно-правовой плоскости — это животное, относящееся к высшим позвоночным, вне зависимости от формы собственности на него и отнесения к категории домашнего или содержащегося на воле или в неволе.

¹ Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М.: Академический проект, 2014. С. 31.

² Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 53.

³ Авдеева Л.В. Уголовно-правовая характеристика жестокого обращения с животными // Вестник РГГУ. 2013. № 3 (104). С. 232.

Необходимо при этом заметить, что законодатель также реформой 2017 г. устранил юридико-технический изъян первоначальной редакции, который заключался в том, что в диспозиции нормы «животное» употреблялось во множественном числе, однако с помощью расширительного толкования практика складывалась в пользу единственного числа⁴.

Во-вторых, возраст, с которого наступает уголовная ответственность за совершение жестокого обращения с животными, с относительной частотой предлагают снизить до четырнадцати лет. Так, в 2019 году Законодательным Собранием Санкт-Петербурга был внесен в Государственную Думу Российской Федерации подобный проект федерального закона, который не продвинулся дальше первого чтения в связи с заключением правового управления. Политика гуманизации и отнесение преступления, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)⁵, к преступлениям небольшой и средней тяжести — вот аргументы⁶.

Между тем количество актов жестокости и подросткового садизма, активно освещаемых СМИ, только растет [1], однако то, что субъектом кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ и во все относится к преступлению небольшой тяжести) является четырнадцатилетнее вменяемое физическое лицо, — это не аргумент. Считаю, что аргумент для необходимой законодательной реакции.

В-третьих, уголовное законодательство ряда стран наряду с наказанием предусматривает в отношении лица, виновного в совершении жестокого обращения с животными, такую меру, как запрет на определенное время содержать животное⁷.

Считаем, что такая практика заслуживает особого внимания и со стороны Российской Федерации, так как она отвечает принципам справедливости и гуманизма и, более того, логична, ведь риск повторения виновным лицом актов жестокости в отношении животного даже с назначенным наказанием, не связанным с изоляцией, не исчезает, а сохраняется, но в уже в домашних, то есть латентных условиях. Такая мера бы дополнила нынешнюю триаду иных мер уголовно-правового характера и ограничивалась сроком от двух до пяти лет.

В-четвертых, исследуя такой квалифицирующий признак жестокого обращения с животными, как в присутствии малолетнего, можно смело не прийти к ответу на вопрос, а кто есть малолетний? Налицо коллизия норм: согласно ч. 1 ст. 28 Гражданского кодекса Российской Федерации малолетним следует считать **несовершеннолетнее** лицо, не достигшее четырнадцати лет⁸, в то время как ч. 1 ст. 87 УК РФ определяет, что **несовершеннолетие** ограничивается возрастным отрезком от четырнадцати до восемнадцати лет. Ясности не находим и в Семейном кодексе Российской Федерации,

⁴ Базаров П.Р. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 81.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 24.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Проект Федерального закона № 750685-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации», внесенный Законодательным Собранием Санкт-Петербурга; Заключение Правового управления Государственной Думы РФ по проекту Федерального закона № 750685-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации», внесенному Законодательным Собранием Санкт-Петербурга // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750685-7> (дата обращения: 09.05.2021).

⁷ К прим.: Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики от 6 июня 2001 г., Закон Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии «О благополучии животных» (Animal Welfare Act) 2006 г., Закон Республики Индия «О предотвращении жестокого обращения с животными» (The prevention of Cruelty to Animals Act) 1960 г., Закон Таиланда «О предупреждении жестокости и о благополучии животных» (Cruelty Protection and welfare of Animal Act) 2014 г., Закон ЮАР № 71 «О защите животных» (Animals Protection Act) 1962 г., Закон Австралии № 46 «О предотвращении жестокого обращения с животными» (The prevention of Cruelty to Animals Act) 1986 г.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

в ч. 1 ст. 54 которого употребляется термин «ребенок», связанный с недостижением восемнадцати лет.

Между тем молчаливо соглашаемся с позицией, утвердившейся в судебной практике, что малолетнее лицо — лицо, не достигшее четырнадцати лет.

Однако остается неясным, почему жестокое обращение с животными в присутствии несовершеннолетнего не является отягчающим обстоятельством? Считаем, что в связи с еще не сформировавшейся полноценной личностной установкой такое лицо, вернее его психическое здоровье, подвержено угрозе. Подтверждением тому является упоминание несовершеннолетнего в ч. 2 ст. 110 УК РФ.

В-пятых, анализ и изучение судебно-следственной практики ярко и отчетливо показали то, что жестокость человека может быть как банальной, так и изощренной. Особенно в выборах способа. Особенно когда лицу безразлично — пострадает 1, 2, 3 особи или даже человек. И тут резонно говорить о новом квалифицирующем признаке — общественно опасный способ, имеющий особенность в контексте ст. 245 УК РФ.

Следует согласиться с С.И. Никулиным, что действия уполномоченных лиц не должны квалифицироваться по ст. 245 УК РФ, так как осуществление их происходит в рамках санитарно-ветеринарных мероприятий⁹. Однако некоторыми организациями, являющимися исполнителями муниципальных контрактов по отлову безнадзорных животных, в нарушение их условий об отлове, транспортировании и содержании, применяются курареподобные препараты, предназначенные для вынужденного бескровного умерщвления животных, а не их отлова и проведения дальнейших мероприятий.

Так, к примеру, часто используемый препарат «Адилин-супер» приводит к мучительной гибели животного в связи с асфиксией. Более того, решением судов ряда субъектов Российской Федерации его применение запрещено¹⁰.

Под общественно опасным способом жестокого обращения с животным следует понимать такой способ жестокого обращения с животным, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни и здоровья не только конкретного животного, но и для других, в том числе человека.

Дискуссию может спровоцировать наше последнее предложение в связи с тем, что УК РФ в числе отягчающих обстоятельств в ч. 1.1 ст. 63 и так названо «совершение преступления в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ».

Однако необходимо внимательно обратиться к его формулировке: «суд может признать...», то есть подчеркивается диспозитивность нормы. Иным прочтением можно прийти и к непризнанию судом такого состояния отягчающим обстоятельством, что, кстати, иллюстрируется примерами судебной практики¹¹.

Наконец, в ходе изучения материалов 75 уголовных дел было обнаружено 55 случаев совершенно жестокого обращения

⁹ Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под общ. ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М. : Норма, 2014. С. 595.

¹⁰ См.: Решение Славянского городского суда Красноярского края от 22 мая 2017 г. № 2-782/2017 по делу № 2-782/2017; Решение Златоустовского городского суда Челябинской области от 26 июня 2018 г. № 2-882/2018 по делу № 2-882/2018; Решение Вельского районного суда Архангельской области от 30 июня 2015 г. № 2-620/2015 по делу № 2-620/2015 // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 09.05.2021).

¹¹ Приговор Сухоложского городского суда Свердловской области от 7 февраля 2020 г. № 1-16/2020 по делу № 1-141/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qAJ6wNLmx5Qn/> (дата обращения: 09.05.2021).

с животными лицами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения.

Таким образом, считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 245 УК РФ следующими признаками: общеопасным способом и в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных

веществ либо других одурманивающих веществ. Предусмотреть их в п. «е» и «ж» соответственно.

Между тем важно в завершение отметить специфику отечественной уголовно-правовой охраны — защищаются не сами животные, а нормы морали и нравственности в области обращения с ними. Да, это так, но это не значит, что вечно должно быть так.

Литература

1. Авдеева Л.В. Уголовно-правовая характеристика жестокого обращения с животными / Л.В. Авдеева // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 3 (104). С. 232–240.
2. Базаров П.Р. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными / П.Р. Базаров // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 80–85.
3. Кьеркегор С. Болезнь к смерти : изложение христианской психологии ради наставления и пробуждения / С. Кьеркегор ; написано Анти-Климакусом, издано С. Кьеркегором ; перевод с датского, вступительная статья и примечание Н. Исаевой и С. Исаева. 2-е изд. Москва : Академический проект, 2014. 157 с.
4. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / А.Е. Беляев [и др.] ; под общей редакцией М.П. Журавлева, С.И. Никулина. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2014. 783 с.
5. Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными / Р.Д. Шарапов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 51–61.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

ТОВАРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ обеспечения гибкости торгового права

МЕЛИКЯН АРМИНЕ АРТАКОВНА,

студентка 1-го курса магистратуры Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)
melikyanaa.1.1.1@gmail.com

Объектом права признается то, по поводу чего возникает отношение. Торговые отношения опосредуют торговую деятельность коммерсантов. Товары же благодаря особенностям, отделяющим их от гражданско-правовой категории вещей, делают торговое право **торговым**. Однако недостаточное уделение внимания правовой категории товаров и отсутствие единого подхода к ее пониманию порождают правовую неопределенность. Выделение торгового права из гражданского права (что остается дискуссионным вопросом) обусловлено разграничением понятий товаров и вещей. Однако разграничения в правовом регулировании на законодательном уровне не произошло. При этом в условиях усложнения коммерческих отношений и развития научно-технических разработок (порождающих новые объекты торгового права, не относящиеся к товарам в традиционном понимании) четкое регулирование последнего крайне актуально.

Подходы к пониманию понятия «товары»

Несмотря на важность категории товара в рамках торгового оборота, **единого подхода к пониманию последнего нет**. При этом данное понятие используется в законодательстве довольно широко. Так, гл. 30 Гражданского кодекса Российской Федерации, посвященная купле-продаже, приравнивает понятия «вещь» и «товар». Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» дает следующее определение товару: «объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот» (ч. 1 ст. 4) и др.

Разнообразие подходов к пониманию понятия «товар», порождающее правовую неопределенность, неизбежно приводит к размытию содержательных границ данной категории. Тем не менее анализ вышеуказанных определений позволяет выделить общий элемент, характеризующий предназначение товара, — введение в оборот.

Действительно, вещь становится товаром при введении ее в торговый оборот¹. Таким образом, мы можем указать на **неразрывную связь понятий товара с торговлей в целом**. Однако в целях осмысления категории товара в рамках торгового права необходимо не только указать на некую общую характеристику понятий товаров, но и **разграничить его значения в узком смысле и в широком**.

Г.Ф. Шершеневич относил к товару в широком смысле все, что способно обмениваться на другие блага. Товар в **широком смысле** мы можем понимать как все, что может быть продано, или «любые блага, фигурирующие в торговом обороте»². В дореволюционной литературе зачастую давалось определение товара путем использования понятия «ценность»³. Так, товар представляет «ценность» для торговца за счет своей меновой стоимости. Такая трактовка товаров характерна для самых ранних этапов развития торговли и позволяет включить в эту категорию довольно широкий круг объектов. Тем не менее наличие определенных особенностей, отделяющих товары от всех носителей меновой стоимости, не может быть оспорено. В.А. Белов выделяет три таких признака: массовость, движимость, заменимость⁴, которые составляют товары **в узком смысле**.

Исторические предпосылки формирования признаков товаров

Исторически выделение категории товара обусловило формирование торгового права. Так, людям на каждом этапе отношений свойственно стремление к обеспечению своих потребностей — со временем процесс са-

мостоятельного обеспечения потребностями усложняется. В связи с этим на основе общественного разделения труда⁵ появляется система частных хозяйств, связанных отношениями по взаимному обмену необходимыми продуктами. Сформированное *jus mercaturae* предполагало ведение торговли купцами (торговцами), которые снабжали общество определенного рода «товарами». Стоит полагать, что был определенный круг продуктов, купцы скупали и продавали регулярно, и зачастую в определенном одинаковом объеме⁶. Несомненно, в условиях осуществления регулярных и однотипных действий в отношении одних и тех же «продуктов» возникает необходимость некой типизации и упрощения тех самых действий. Как мы видим, такое стремление к оптимизации торговли исходит из особой природы тех объектов, которые включены в торговый оборот.

Так, торговцы стремятся осуществлять торговлю «быстро и просто», что не всегда совместимо со строгой фиксацией прав на имущество (что может быть отнесено к гражданско-правовой характеристике и связано с индивидуально-определенными признаками вещей)⁷. Коммерсанту не столь важна фиксация права собственности на вещь, а, скорее, наоборот, он пытается ее избежать, для того чтобы получить прибыль в результате совершения «торговых действий». Итак, для совершения однотипных и регулярных сделок необходимы однородные товары, точнее, товары не индивидуально-определенные, а **родовые и заменимые**. Поскольку торговец заинтересован в совершении однотипных и регулярных сделок, разумеется, он заинтересован в совершении определенного количества

¹ Цитович П.П. Лекции по торговому праву. Одесса, 1873. 108 с.

² Белов В.А. Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2019. С. 303–305.

³ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. 4-е изд. СПб., 1908. С. 3.

⁴ Белов В.А. Указ. соч. С. 303–309.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч.

⁶ Орленко Л.В. История торговли. М., 2021. С. 123–126.

⁷ Васильев Е.А., Комаров А.С. Гражданское и торговое право зарубежных государств. М. : Международные отношения, 2004. С. 120–124.

сделок, нежели одной конкретной. Действительно, в рамках гражданско-правовых отношений стороны чаще всего нацелены на заключение договоров с наиболее полной детализацией условий договора с учетом индивидуальных потребностей и интересов сторон. При таком уровне детализации данные договоры заключаются чаще всего однократно. Исходя из этой особенности торговли вытекает второй признак товара — **массовость**.

Такой признак товаров, как движимость, выделялся многими дореволюционными авторами. Неудивительно, что на современном этапе торговых отношений предметом торговых сделок может признаваться и недвижимость. Однако выдающееся значение мировому торговому обороту придало обращение именно движимых вещей в значениях *res corporales*⁸.

Итак, с развитием торговли именно эти признаки (**массовость, заменимость, движимость**) стали характеризовать товары и послужили действенным рычагом формирования торгового права. Однако на этом развитие коммерческих отношений не остановилось. С течением определенного времени научно-технический прогресс породил возникновение новых экономических благ⁹, введенных в оборот. Несомненно, понятие «товары» в широком смысле обнимает собой большой круг объектов, но в рамках нашего исследования будут рассмотрены особенности правовых режимов лишь некоторых из них.

Правовой режим денег

При условии совершения однотипных действий по покупке и продаже товаров неизбежно возникает необходимость в уни-

версальном эквиваленте при обмене, в некой мере стоимости. Данную функцию призваны осуществлять деньги. Действительно, «при взаимном обмене экономических благ принимается во внимание их меновая ценность, т.е. количественное отношение, в котором один предмет находится в известном отношении ко всем прочим предметам»¹⁰. То есть деньги нам важны не весом или чем-либо еще, а количеством выраженных в них единиц, то есть номинальной стоимостью¹¹. Современными российскими деньгами, как единственным законным платежным средством, в силу ст. 140 ГК РФ и ст. 27, 29, 30 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» признаются банковские билеты (банкноты и купюры) и металлические монеты. Деньги (именно наличные деньги) отнесены ГК РФ к движимым вещам, а безналичные денежные средства — к имущественным правам.

Так, деньги не обладают индивидуально-определенными признаками (хотя и в некоторых случаях могут быть индивидуализированы, к примеру, при коллекционировании банкнот или монет). При этом необходимо указать на то, что деньги в отличие от товаров (в традиционном понимании) обладают наибольшей ликвидностью. Как отмечал В.А. Белов¹², деньги — «самый товарный товар». Действительно, деньги являются массовыми, заменимыми, движимыми. Однако в рамках развития цифровой экономики намечается риск уменьшения актуальности денег в связи с появлением криптовалюты.

⁸ Коммерческое право / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. М., 2002. С. 423–424.

⁹ Речь может идти об электронных деньгах (криптовалюта), технологиях с использованием искусственного интеллекта, блокчейне, цифровых продуктах и др.

¹⁰ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. 3-е изд. 1899. С. 395.

¹¹ Суханов Е.А. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. М., 2011. 907 с.

¹² Белов В.А. Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2019. 328 с.

Правовой режим электронных денег

Как уже было отмечено, деньги имеют две основные функции: служить «мерилом ценности экономических благ» и быть «орудием обмена». Отсутствие же денег вызвало бы необходимость отыскивать производителя продукции каждому самостоятельно и предлагать ему продукт собственного труда. Ввиду того что деньги призваны служить **единым** мерилом стоимости всех экономических благ, целесообразнее его регулировать **централизованным** путем — с участием государства. В современных реалиях возможно и **децентрализованное** регулирование обращения товаров благодаря электронным деньгам (криптовалюте)¹³. Применение платформы, на которой обращение товаров опосредуется не деньгами, а специально разработанной технологией (криптография), делает ненужной посредническую деятельность. Предполагается, что закрепление признаков товаров в широком смысле позволит избежать такого революционного явления.

Способ закрепления признаков товаров

Наиболее известными актами в рамках нового *lex mercatoria* являются акты Ассоциации международного права, акты Международной торговой палаты, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, акты ЮНСИТРАЛ и др. Так, данными актами руководствуются непосредственно частные лица, участвующие в торговых отношениях. Значение подобных актов не может не быть замечено ввиду их «генетического происхождения из реальных коммерческих (жизненных) отношений»¹⁴. Практическая «приближенность» этих актов к торговой деятельности (а зна-

чит, «приближенных» и к особенностям торговли, рассмотренным выше) делает *lex mercatoria* прекрасной платформой для внедрения единообразного понятия товаров и их признаков.

Итак, в истоках формирования торгового права лежало понимание товаров как любых носителей меновой стоимости в торговом обороте, то есть всего того, что может быть продано (широкий смысл). Однако с течением времени наиболее четко ощутимые особенности торгового оборота обусловили выделение «особенностей» и признаков и самих товаров. Стремление коммерсантов к типизации и упрощению торговых отношений в целях получения наибольшей выгоды привело к рассмотрению товаров как массовых, движимых и заменимых вещей в торговом обороте (узкий смысл).

Тем не менее нельзя не указать на современные тенденции расширения понятия товаров в результате усложнения коммерческих отношений и все более интенсивного внедрения технологий. Особые виды товаров, появление которых обусловлено развитием технологий, являются неотъемлемой частью торгового оборота и выражают нацеленность на развитие торговых отношений. Рассмотренные примеры товаров позволяют заметить некую закономерность в обращении товаров. Так, в рамках рассмотрения признаков товаров и исторического их зарождения была выявлена связь понятия товаров с понятием торговли. Действительно, с развитием торговых отношений (и торговли) расширяется и категория товаров — появляются новые экономические блага, не подпадающие под значение товаров в узком смысле.

Так, всем известное значение для торгового права оказывают акты нового *lex mercatoria*¹⁵. **На основе вышеизло-**

¹³ Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М., 2020. С. 201–211.

¹⁴ Пугинский Б.И., Белов В.А., Абросимова Е.А. Коммерческое право : учебник для вузов. М., 2016. 86 с.

¹⁵ Андреева Л.В. Коммерческое (торговое) право. М., 2012. С. 113–116.

женных идей предлагается на наднациональном уровне принять общие стандарты (признаки) товаров. Поскольку «сужение» понятия товаров на практике приводит к отпадению товаров «нового качества» (под которыми мы разумею новые экономические блага). Иными словами, понимание товаров в широком смысле придает торговле качество **гибкости (принятие новых видов товаров в торговый оборот)**. Именно гибкость позволит торговле функционировать в услови-

ях современной глобализации и развития технологий.

Единообразное определение признаков товаров на международном уровне в рамках международной частноправовой унификации позволит усилить интегрированность коммерсантов в международный торговый оборот; обеспечить «приспосабливаемость» торговых отношений к научно-технологическому прогрессу в эпоху цифровой реальности (которая не ограничится настоящим уровнем развития).

Литература

1. Андреева Л.В. Коммерческое (торговое) право / Л.В. Андреева. Москва : КНОРУС, 2012. 144 с.
2. Белов В.А. Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики / В.А. Белов. Москва : Юрайт, 2019. 718 с.
3. Васильев Е.А., Комаров А.С. Гражданское и торговое право зарубежных государств / Е.А. Васильев, А.С. Комаров. Москва : Международные отношения, 2004. 453 с.
4. Коммерческое право / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. Москва : Юристъ, 2002. 742 с.
5. Орленко Л.В. История торговли / Л.В. Орленко. Москва : ИНФРА-М, 2021. 351 с.
6. Пугинский Б.И. Коммерческое право : учебник для вузов / Б.И. Пугинский, В.А. Белов, Е.А. Абросимова. Москва : Юрайт, 2016. 472 с.
7. Санникова Л.В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитоновна. Москва : 4 Принт, 2020. 304 с.
8. Суханов Е.А. Российское гражданское право. В 2 томах. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / ответственный редактор Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2011. 907 с.
9. Цитович П.П. Лекции по торговому праву / П.П. Цитович. Одесса : Тип. П. Францова, 1873. 376 с.
10. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Тома 1–4. Т. 1. Введение; Торговые деятели / Г.Ф. Шершеневич. 4-е изд. Санкт-Петербург : Тип. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1908. 515 с.

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ как основного механизма концепции «восстановительного правосудия» в уголовном процессе России

ЧЕЛУШКИНА ВАСИЛИССА КИРИЛЛОВНА,

выпускница Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Французского университетского колледжа при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова (МГУ), стажер адвоката в Московской коллегии адвокатов «ВердиктЪ»
vchelushkina@sirosh.pro

Уголовно-процессуальная наука постоянно занимается поиском способов усовершенствования процессуальных институтов и нахождения новых решений поставленных перед ней задач. В данной статье речь пойдет о защите прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений, и предупреждении совершения новых преступлений посредством медиации.

В отечественном Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) назначением уголовного судопроизводства провозглашается защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений¹. В Уголовном кодексе РФ (УК РФ) также на первое место ставится задача охраны прав и свобод человека и гражданина². Таким образом, защита и охрана прав, свобод и законных интересов

потерпевших, то есть жертв преступлений, законом ставится во главу угла при отправлении уголовного процесса. Однако так называемая традиционная уголовная система, при которой основным способом защиты потерпевших является воздействие на правонарушителя с помощью наказания, не всегда достигает поставленной цели.

Так как назначение уголовного судопроизводства не всегда реализуется, юристы все с большим интересом исследуют возможности альтернативного разрешения споров. Одной из таких возможных альтернатив является концепция «восстановительного правосудия», которая для достижения цели восстановления социальной справедливости использует различные механизмы³.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Ч. 1 ст. 6 // СПС «Консультант-Плюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ч. 1 ст. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Автор не рассматривает целесообразность применения «восстановительного правосудия» по отношению к преступникам, совершившим особо тяжкие преступления. В том числе и потому, что такие преступления являются по большей части спонтанными, сложны для контроля и прогнозирования. См. материалы СМИ: Рунова К., Ходжаева Е. Как предотвратить рецидивы преступлений? // Ведомости. URL: <https://>

Положение о том, что само по себе уголовное наказание способно исправить человека, часто ставится под сомнение. Причины таких сомнений, к сожалению, небезосновательны. Например, потому что в пенитенциарных учреждениях, попадая в изолированную среду, у лица исчезают способности к социальной жизни. Заключение, постоянно находящийся среди преступников, начинает воспринимать ту культуру, в которой находится, и чем более длительное время это происходит, тем сложнее в дальнейшем процесс возвращения лица в общество. Из-за пассивного существования у заключенного происходит атрофирование чувства ответственности за себя и опыта разрешения проблем, вследствие этого при освобождении люди снова часто попадают в тюрьму, не имея необходимых навыков и связей для жизни, что подтверждается статистикой рецидивов⁴. Стоит оговориться, что, несомненно, нельзя судить об эффективности наказания по количеству рецидивов, так как на рецидивность преступности влияет множество факторов. Так же, по мнению некоторых социологов, применяемые сейчас меры профилактики рецидивной преступности в России работают слабо, а репрессивный подход — ужесточение наказания не влияет на нее совсем⁵. Так, можно говорить о том, что уголовное наказание имеет весьма ограниченные возможности и значение.

В пояснительной записке к рекомендации № R (99) 19 государствам — членам Совета Европы, посвященной медиации в уголовных делах⁶, говорится, что движение в

пользу восстановительного правосудия часто описывается как общинное, восстановительное или неформальное правосудие, но, как правило, речь идет о механизме, который свойствен всем этим формам урегулирования конфликтов, а именно о «медиации», или посредничестве. Иными словами, авторы пояснительной записки определили восстановительное правосудие как движение и одновременно как форму урегулирования конфликтов, а медиацию — как ее механизм.

Понятие «восстановительного правосудия» достаточно обширно и включает в себя разные формы посреднических процедур. Это могут быть, например, «семейные конференции», которые практикуются в Новой Зеландии, «общинные конференции», характерные для Австралии, «школьные конференции», «круги сообществ» (круги заботы, круги правосудия). Как можно видеть из названия, общинные и семейные конференции заключаются в том, что, кроме жертвы и правонарушителя, в процесс переговоров могут быть включены еще родственники или сторонники потерпевшего — в случае семейных конференций. А также специально привлекаемые органы в виде полиции, социальных служб, органы юстиции для несовершеннолетних — в случае общинных конференций. Необходимо обратить внимание и на второй важнейший аспект этой концепции — реституцию, т.е. возмещение ущерба, нанесенного преступником жертве. В российском праве термин «реституция» применяется прежде всего к сфере частноправовых отношений⁷ и подразумевает собой возвращение сторонами недействительной сделки друг другу полученного ими по такой сделке имущества или же компенсацию стоимости полученного при невозможности вернуть его в натуре⁸.

www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/10/16/813933-predotvratit-prestuplenii (дата обращения: 14.09.2021).

⁴ Материалы СМИ «Адвокатская газета». URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/po-mneniyu-vyacheslava-lebedeva-dela-o-domashnem-nasilii-tselesoobrazno-otnosti-k-delam-chastno-publichnogo-obvineniya/> (дата обращения: 14.09.2021).

⁵ Материалы СМИ «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/10/16/813933-predotvratit-prestuplenii> (дата обращения: 14.09.2021).

⁶ Пояснительная записка к Рекомендации № R (99) 19, принятой Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г.

⁷ Однако в ГК РФ и не употребляется.

⁸ Гражданское право : учебник / под ред. А.П. Сергеева. М. : ТК Велби, 2012. Т. 1. С. 494 (автор параграфа — А.П. Сергеев).

В уголовно-правовом смысле в России под реституцией понимается восстановление материального положения потерпевшего путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления⁹.

Реституция является более общим понятием компенсации, удовлетворения. Так, экспертной группой ООН были разработаны «Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия»¹⁰, согласно которым реституционный процесс — это любой процесс, в рамках которого жертва и правонарушитель и в соответствующих случаях любые другие лица, пострадавшие от преступления, активно участвуют в совместном урегулировании вопросов, возникающих в связи с преступлением, как правило при помощи посредника. Цель его состоит в том, чтобы через учет интересов обеих сторон достичь договоренности о компенсации и/или примирения.

Восстановительные программы начали осуществляться в Западной Европе в первую очередь в сфере ювенальной юстиции, то есть по отношению к несовершеннолетним правонарушителям. Впоследствии медиация распространилась и на взрослых. В качестве примера можно привести Францию, где медиация используется в первую очередь для разрешения уголовно-правовых конфликтов с участием взрослых.

Осознавая такое положение вещей, приверженцы движения восстановительной юстиции пришли к идее о том, что основой разрешения конфликта должен быть

диалог. Представляется, что в отправлении уголовного судопроизводства полноценного диалога между участниками не происходит, поскольку для судебной процедуры область эмоций, переживаний и рефлексии является не только излишней, но и препятствующей нормальному течению судебного процесса, тогда как для программ восстановительного правосудия достижение соглашения, удовлетворяющего всех участников, следует, как правило, за примирением на эмоциональном уровне¹¹.

В 1980 году Каракасская декларация¹² провозгласила необходимость пересмотра традиционных стратегий борьбы с преступностью, основанных исключительно на юридических критериях. В 1995 году состоялся девятый Конгресс ООН в Каире, который имеет особое значение в контексте данной темы, так как на нем участники преодолели традиционный подход к проблеме защиты прав человека в уголовном процессе. Конгресс перенес акцент с доминирующей защиты прав правонарушителя на приоритетную защиту жертвы¹³. Однако еще до указанных событий «восстановительная концепция» определила, что преступление должно рассматриваться в первую очередь как причинение вреда лицу или группе лиц, а сторонами конфликта являются преступник и жертва. Таким образом, «восстановительное правосудие» ставит на центральное место фигуру конкретного человека, выдвигая на первый план личность, пострадавшую от преступления, — потерпевшего.

Говоря о месте восстановительного правосудия при разрешении криминальных

⁹ Дубровин В.В. Уголовно-процессуальная реституция: правовое регулирование и перспективы. URL: <https://izron.ru/articles/teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-razvitiya-yuridicheskoy-nauki-sbornik-nauchnykh-trudov-po-ito/sektsiya-7-ugolovnyy-protsess-kriminalistika-operativno-rozysknaya-deyatelnost/ugolovno-protsessualnaya-restitutsiya-pravovoe-regulirovanie-i-perspektivy/>.

¹⁰ Кульман А., Кури Х. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовным наказаниям — уроки истории // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4. С. 130.

¹¹ Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М. : Проспект, 2014. С. 100.

¹² Каракасская декларация (принята 15 декабря 1980 г. Резолюцией 35/171 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

¹³ Двенадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 г.). Сборник документов. М. : Юрлитинформ, 2011.

конфликтов, представляется интересным вопрос о том, возможно ли при действующем законе применять восстановительные практики, а именно медиацию.

В России в настоящее время медиация регулируется Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который определяет медиацию как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения¹⁴. В части 2 ст. 1 закона указано, что он применяется к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений. Исключения составляют коллективные трудовые споры, случаи, когда вышеуказанные споры затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы, а также отношения, связанные с оказанием судьей или третейским судьей в ходе судебного или третейского разбирательства содействия примирению сторон, — в таких случаях данный закон не применяется. Так как уголовное право является публичной отраслью права, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ нет норм, посвященных медиации, а закон о медиации не применяется к спорам, затрагивающим публичные интересы, то в этом некоторыми учеными усматривается препятствие для осуществления медиации в уголовных делах. К тому же ч. 3 ст. 1 закона указано, что к другим (не гражданским, администра-

тивным, семейным или коммерческим) правоотношениям закон применяется только в случаях, предусмотренных федеральными законами. Кроме того, медиация применялась и применяется в основном в частноправовой сфере, о чем в том числе свидетельствуют и указанные в законе цели — содействие развитию партнерских деловых отношений и формирование этики делового оборота. Однако автор данного исследования не может согласиться с теми, кто усматривает в законе о медиации невозможность его применения к уголовным делам. Мы скорее склонны согласиться с мнением, высказанным С. Пашиным в его экспертном заключении на анализируемый федеральный закон. Экспертом был сделан вывод о том, что медиация в понимании этого закона не является единственно правильной, окончательной и неизменной. Она является лишь разновидностью процедуры медиации, которая применима к некоторым спорам и имеет определенные соответствующими законами правовое значение и юридические последствия¹⁵. Таким образом, видится, что данный закон не запрещает проводить медиацию по уголовным делам. Вопрос же о том, какая именно медиативная модель, учитывая их разнообразие¹⁶, наиболее применима для уголовно-правовых споров, заслуживает отдельного исследования.

Также важно сказать и о принципах медиации. В Рекомендации № R (99) 19 выделены пять принципов: добровольность, конфиденциальность, общедоступность, возможность применения на любой стадии уголовного судопроизводства, самостоятельность служб в рамках уголовной юстиции. Конфиденциальность процесса медиации

¹⁴ Статья 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

¹⁵ Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития : сборник материалов. М. : Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. С. 75.

¹⁶ Существуют различные подходы и модели медиации: восстановительная, классическая, гарвардский метод, нарративная, трансформативная и т.д.

ции является важнейшим принципом, отличающим его от судебного разбирательства. Здесь крайне важно то, что полученные в ходе медиации материалы и информация в последующем не могут быть использованы в качестве доказательств установления вины по делу. Конфиденциальность является преимуществом медиации, так как в отношении уголовного разбирательства такой принцип не действует. По общему правилу судебный процесс является открытым. Ст. 241 УПК РФ предусматривает исключение лишь для лиц, не достигших возраста 16 лет, в этом случае заседание может быть проведено в закрытой форме. Принцип добровольности означает, что и потерпевший, и правонарушитель действуют по собственному желанию и берут на себя ответственность за итоговое решение. Для применения медиации нарушитель должен лишь взять на себя ответственность за случившееся, но не признать вину. При этом обязательным для проведения медиации является признание фактических обстоятельств дела как жертвой, так и правонарушителем. Так как в случае если картина происшедшего будет у сторон разная, то и будет отсутствовать фактологический материал для работы, а также невозможно будет определить характер правонарушения и пригодность дела для медиации. Необходимо сказать, что в отличие от судебного разбирательства в медиации не происходит расследования, и именно потому, что стороны изначально имеют общую фактическую картину.

Предпосылками, создающими условия для медиации в уголовном процессе России, являются ст. 76 УК РФ, закрепляющая возможность освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений небольшой и средней тяжести впервые, если лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред; а также ст. 25 УПК РФ, устанавливающая основания для

прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Причем ее применение возможно как в суде, так и на досудебной стадии, которая в уголовном процессе является наиболее важной. Статьей 76 УК РФ установлена именно возможность, но не обязанность освобождения от уголовной ответственности. Данное положение касается дел частного-публичного и публичного обвинения. Как известно, в делах частного обвинения, к которым относятся всего три категории преступлений (легкий вред здоровью, побои и клевета), примирение сторон является безусловным основанием для прекращения производства по делу. А в делах частного-публичного обвинения вообще нет возможности для прекращения дела за примирением сторон.

Также возможность использования в дальнейшем процедур, направленных на разрешение конфликта, содержится в ст. 28 УПК РФ (прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием) и ст. 90, 91 УК РФ, которые предусматривают возможность применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему, совершившему преступление небольшой или средней тяжести. Данные положения предполагают возможное освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности, если исправление может быть достигнуто путем таких мер. Надо заметить, что признак «впервые совершенного» деяния в этом случае отсутствует. Процессуальное закрепление такой возможности находит свое отражение в ст. 427 и 431 УПК РФ, где указано, что в подобном случае следователь или дознаватель может вынести постановление о прекращении уголовного преследования и возбудить перед судом ходатайство о применении принудительных мер.

Концепция «восстановительного правосудия» не является общепризнанным взгля-

дом реагирования на преступления. Тем не менее при анализе деклараций конгрессов ООН выявляется тенденция ко все большему внедрению альтернативных способов разрешения споров и восстановительных практик в уголовное судопроизводство различных государств. На наш взгляд, *препятствий, полностью блокирующих развитие медиативных процедур в уголовно-процессуальной практике в России, нет*. Медиация по уголовным делам используется в странах самых разных правовых семей — в Великобритании и США, во Франции и Бельгии, Германии и Новой Зеландии, в странах Восточной Европы и др. Представляется *вполне возможным развитие медиации по уголовным делам и в России в ближайшем будущем, как минимум для преступлений небольшой тяжести*, что в том числе будет способствовать уменьшению нагрузки на отечественные следственные и судебные органы.

Таким образом, медиация как один из инструментов «восстановительного правосу-

дия» обладает немалым количеством положительных качеств, о которых было сказано выше. Также к этим позитивным сторонам хотелось бы добавить гибкость медиативных соглашений, так как задача медиации в том, чтобы найти взаимоприемлемое решение по типу win-win. Также к одним из преимуществ медиации относится высокая исполнимость медиативных соглашений, поскольку стороны по своему желанию обращаются к медиатору, сами договариваются и сами же берут на себя ответственность за исполнение. По своей правовой природе медиативное соглашение является гражданско-правовым договором, поэтому может быть оспорено в суде. Однако, как показывает практика, процент обращений за оспариванием медиативных соглашений крайне низкий. Таким образом, медиация вполне может служить средством достижения будущих интересов «партнеров по конфликту» и возможности сохранения хороших отношений в перспективе.

Литература

1. Гражданское право : учебник. В 3 томах. Т. 1 / Е.Н. Абрамова [и др.] ; под редакцией А.П. Сергеева. Москва : ТК Велби, 2012. 1006 с.
2. Дубровин В.В. Уголовно-процессуальная реституция: правовое регулирование и перспективы / В.В. Дубровин // Теоретические и практические аспекты развития юридической науки : материалы международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 11 августа 2017 г.). Вып. 4. Ростов-на-Дону : Инновационный центр развития образования и науки, 2017. С. 46–48.
3. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография / Л.М. Карнозова. Москва : Проспект, 2014. 262 с.
4. Кульман А. Восстановительное правосудие как альтернатива уголовным наказаниям — уроки истории / А. Кульман, Х. Кури // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 4. С. 126–149.
5. Рунова К. Как предотвратить рецидивы преступлений? / К. Рунова, Е. Ходжаева // Ведомости. 2019. 16 октября.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ деятельность по российскому и зарубежному уголовному законодательству: вопросы и пробелы применения

ТЮФТИНА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

студентка 1-го курса магистратуры по программе «Юрист в правосудии и правоохранительной деятельности» факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
tyuftina99@yandex.ru

Преступные сообщества, вопреки общественному мнению, вовсе не перестали существовать. Они продолжают свою преступную деятельность, которая из года в год усложняется с появлением все новых и новых технологий.

Статья 210 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» появилась в российском уголовном законе с момента его создания, т.е. в 1996 г.

Казалось бы, статья существует уже почти 25 лет, а значит, судебная практика уже должна была бы преодолеть все имеющиеся трудности, возникающие у правоохранительных органов при квалификации деяний лиц в соответствии со ст. 210 УК РФ. Однако, как будет показано далее, вопросы есть,

и вопросы весьма сложные, требующие вмешательства как законодателя, так и Верховного Суда РФ, который в собственных пленумах не раз разъяснял для судов наиболее трудные вопросы применения той или иной статьи уголовного закона.

Рассматривать статью УК РФ необходимо в соответствии с каждым элементом состава преступления: субъект, субъективная сторона, объект и объективная сторона.

В соответствии со ст. 210 УК РФ деяния, перечисленные в ней, могут быть совершены как общим, так и специальным субъектом.

По частям 1, 1.1 и 2 ст. 210 УК РФ субъект преступления общий — физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста; по ч. 3 — субъект специальный: лицо, совершившее деяния, составляющие объективную сторону преступления

по ч. 1, 1.1, 2, с использованием своего служебного положения; по ч. 4 — лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Наибольшие вопросы у правоприменителей вызывает понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Нет единства в понимании этого термина и среди представителей науки. В первую очередь основную проблему составляет наличие таких оценочных признаков, как «высшее положение», «преступная иерархия». Эти признаки являются по сути своей криминологическими, однако прямо употребляются законодателем в уголовном законе. Однако законодатель не посчитал неверным использование таких признаков в УК РФ и в 2019 г. ввел новую ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Исходя из того что преступная иерархия не единообразна, то появляется закономерный вопрос: кто будет считаться «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии»?

В науке и обществе существует позиция о том, что высшее положение в преступной иерархии занимают так называемые «воры в законе». Так, например, 1 апреля 2019 г. в новостном издании «Интерфакс» была издана статья под названием «Путин подписал закон о наказании для “воров в законе”»¹. Данная статья посвящена тому федеральному закону, который ввел в УК РФ новую ст. 210.1, о которой говорилось выше. Как видно из заголовка, автор статьи полагает, что новая ст. 210.1, содержащая в себе оценочные признаки «высшее положение» и «преступная иерархия», направлена именно на «воров в законе».

С.Д. Белоцерковский в своем труде высказал позицию, что «воры в законе» занимают высшее положение в криминальном

мире, так как именно они обладают наиболее сильными преступными навыками, они имеют наибольшее уважение среди иных членов преступного мира².

Такого же мнения придерживается и весьма немногочисленная судебная практика. Так, апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4 была подтверждена виновность гражданина Чкадуа в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ. Защита Чкадуа настаивала на том, что «органы предварительного следствия определили лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, не по его конкретным действиям, а лишь на основании его уголовного статуса, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого объективную сторону данного квалифицирующего признака не указали, суд, не устранив указанное препятствие, рассмотрел дело по существу и постановил обвинительный приговор»³.

Суд оставил приговор без изменения, оставив апелляционную жалобу без удовлетворения, отметив, что свидетели по данному делу неоднократно сообщали, что гражданин Чкадуа имеет статус «вора в законе» и этот статус он использовал именно для реализации деятельности преступного сообщества⁴.

Таким образом, Верховный Суд РФ в данном случае занял позицию, что верховное положение тождественно статусу «вора в законе».

При рассмотрении в качестве лиц с высшим положением в преступной иерархии

¹ URL: <https://www.interfax.ru/russia/656590> (дата обращения: 29.04.2021).

² Белоцерковский С.Д. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 13.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.04.2021).

⁴ См. там же.

«воров в законе» необходимо отметить, что таковыми данные лица становятся путем провозглашения («коронации») на общих собраниях членов преступного сообщества («сходках»). Получается, если мы вводим термин «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» и отождествляем его с «ворами в законе», то нам необходимо будет закрепить и определение терминов «сходка» и «коронация», что будет являться явным отклонением от уголовно-правовой терминологии. Также нужно отметить, что какого-либо конкретного определения этих терминов нет даже в самом криминальном мире, вводить их в обращение правоохранительными и правоприменительными органами было бы крайне непредусмотрительно, так как вызвало бы явно неоднозначное их толкование органами.

С нашей точки зрения, ограничивать круг лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, только «ворами в законе» неправильно, так как таким образом мы уходим в сферу криминальных терминов, закрепить которые законодателем и высшей судебной инстанцией будет практически невозможно. Более того, нужно понимать, что высшее положение в такой структуре может занимать и лицо без статуса «вора в законе», но именно оно будет иметь большой авторитет в преступной среде.

Также в контексте субъекта преступления по ст. 210 УК РФ нами было обращено внимание на примечание 1 к данной статье, в соответствии с которым учредители, участники, руководители, члены органов управления и работники юридического лица не подлежат уголовной ответственности по ст. 210 только в силу организационно-штатной структуры организации и совершения какого-либо преступления в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Инициатива по введению данного примечания стала реакцией на достаточно произвольное вменение данной статьи к лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью, в целях того, чтобы продлить срок предварительного следствия в соответствии с ч. 5 ст. 162 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) и срок содержания под стражей в соответствии с ч. 3 ст. 109 УПК РФ, так как преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ, относится к категории особо тяжких согласно ч. 5 ст. 15 УК РФ, что подразумевает его особую сложность. Также вменение лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность, ст. 210 УК РФ позволяет правоохранительным органам обойти запрет на заключение их под стражу, который устанавливается ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, так как в соответствии со ст. 210 предполагается наказание от 12 до 20 лет лишения свободы.

В целях такого вменения ст. 210 УК РФ следственные органы зачастую расширительно толковали признаки преступного сообщества и доказывали организационную структуру преступного сообщества через штатную структуру юридического лица. Такая типичная структура, по мнению некоторых ученых, очень хорошо укладывалась под признаки преступного сообщества, позволяя вменять руководителям и учредителям юридических лиц ст. 210 УК РФ⁵, что явно негативно сказывалось на развитии бизнеса в Российской Федерации.

Сторонники наличия такого примечания, например П.С. Яни, утверждают, что ст. 210 УК РФ нацелена на противодействие общеуголовной организованной преступности, которая реализует такие преступления, как, например, разбой, грабеж, убийство и др., в связи с чем данная статья не должна применяться к лицам, совершившим экономи-

⁵ Капинус О.С. Признаки преступного сообщества (преступной организации) в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 82.

ческие преступления, которые в науке также иногда именуют «беловоротничковыми» преступлениями, то есть те преступления, которые чаще всего совершают предприниматели.

Однако у позиции выведения из-под действия ст. 210 УК РФ предпринимателей, соответствующих указанным выше признакам, есть и ряд противников, например Т.В. Якушева, О.С. Капинус, которые указывают на то, что установление такого исключения для предпринимателей неизбежно будет нарушать конституционный принцип равенства граждан, на что однажды уже указывал Конституционный Суд РФ в своем постановлении, в котором признал неконституционной ст. 159.4 УК РФ, которая была посвящена ответственности предпринимателей за мошенничество, устанавливая более мягкое наказание для них⁶.

Также противники данного примечания обращают внимание на то, что ст. 210 УК РФ вводилась не только для противодействия общеуголовной преступности, но и для борьбы с экономической преступностью. Направленность ст. 210 УК РФ в том числе и на экономическую преступность подтверждается наличием в ч. 4 ст. 35 УК РФ такой цели создания преступного сообщества, как извлечение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

С нашей точки зрения, данное примечание действительно необоснованно сужает круг субъектов преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. Нужно отметить, что ни законодатель, ни высшая судебная инстанция нигде не закрепляют правило, что ст. 210 УК РФ регулирует ответственность только за те преступные сообщества, которые занимались общеуголовной преступностью.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // СПС «Консультант-Плюс».

Преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ, обладает высоким уровнем общественной опасности, что подтверждается размером назначаемого наказания, что относит данное преступление к категории особо тяжких преступлений. Законодатель прямо обращает наше внимание на серьезность и тяжесть данного преступления. Логично предположить, что государство должно бороться с преступными сообществами во всех сферах, в том числе и в сфере предпринимательской деятельности.

Безусловно, структура юридического лица не должна априори свидетельствовать о наличии преступного сообщества. Правоохранительные органы и суды должны обращать внимание и на иные важные признаки сообщества, например: единство умысла организаторов и участников, стабильность и согласованность действий участников и др. Однако это не является основанием для выведения целой категории лиц из-под действия ст. 210 УК РФ. Скорее, в данном случае требуется издание разъяснений Верховного Суда РФ, где обращалось бы внимание на то, что одна только структура юридической организации не должна быть единственным основанием для привлечения к ответственности по ст. 210 УК РФ.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла и специальной целью в виде совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, которая предусмотрена в ст. 210 УК РФ.

Однако специальная цель преступного сообщества предусмотрена еще и в ч. 4 ст. 35 УК РФ, где содержится правило, что преступное сообщество должно иметь своей целью извлечение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Из вышесказанного можно сделать вывод о противоречии между собой ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ, так как одна из них предусматривает цель в виде получения финансо-

вой или иной материальной выгоды, а другая же такой цели не формулирует и не упоминает о ее наличии в ст. 35 УК РФ.

Однако в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» указывается, что суды при установлении виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, должны обращать внимание и на ч. 4 ст. 35 УК РФ, где указана цель получения финансовой или иной материальной выгоды⁷.

Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения общественной безопасности.

Приоритетность уголовно-правовой охраны общественной безопасности продекларована международными и конституционными положениями, а также закреплена регламентами, сформулирована в многочисленных нормативных правовых актах, действующих в Российской Федерации.

При рассмотрении объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, нужно обратить внимание, что в ч. 1 данной статьи в качестве объективной стороны предусматриваются следующие деяния: а) создание преступного сообщества; б) руководство сообществом или его структурным подразделением; в) координация преступных действий участников и действий организованных групп; г) создание устойчивых связей между отдельными организованными группами; д) разработка планов и создание условий, разделение сфер преступного влияния. В части 2 ст. 210 УК РФ в качестве объективной сто-

роны преступления предусмотрено участие в преступном сообществе.

Некоторые вопросы возникают при оценке действий участника преступного сообщества (преступной организации), не принимающего непосредственного участия в преступлениях, совершаемых другими членами преступного сообщества. Чаще всего такие лица могут обеспечивать безопасность сообщества, предоставлять необходимые материально-технические средства, то есть они, являясь участниками сообщества, в его преступных деяниях фактически не участвуют, но содействуют в их осуществлении своей помощью.

В таком случае встает вопрос: будем ли мы квалифицировать действия таких лиц только по ч. 2 ст. 210 УК РФ или будет иметь место совокупность ст. 210 УК РФ с иными составами преступлений, которые совершали иные участники в процессе деятельности преступного сообщества?

В данном случае нужно обратиться к ч. 5 ст. 35, в соответствии с которой участники преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность только за те преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали. Следовательно, в данном случае законодатель выбирает позицию, которая исключает уголовную ответственность лиц — участников объединения, не принимавших непосредственного участия в подготовке и совершении конкретных преступлений, за все совершенные членами преступного объединения преступления. Однако это не препятствует квалификации действий указанных лиц по ч. 2 ст. 210 УК РФ.

Судебная практика пошла по такому же пути, который установил законодатель. Так, приговором Майкопского городского суда (Республика Адыгея) от 16 декабря 2015 г. по делу № 1-570/2015 гражданин Р.М. Зейтунян был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс».

ч. 2 ст. 210 УК РФ. В соответствии с материалами дела «неустановленное лицо предложило Зейтуняну Р.М., непосредственно занимающемуся перевозками грузов автомобильным транспортом, принять участие в деятельности функционально обособленного структурного подразделения преступного сообщества, путем подыскания им грузоперевозчиков, согласных за незаконные денежные вознаграждения осуществлять перевозки грузов автомобильным транспортом со значительным превышением допустимых норм, пообещав ему, в случае его согласия, обеспечить беспрепятственный проезд через посты и наряды ДПС принадлежащих Зейтуняну Р.М. транспортных средств с перегрузом за минимальную плату. Зейтунян Р.М., преследуя корыстную цель осуществления грузоперевозок с превышением допустимых норм через посты и наряды ДПС за более низкую плату без привлечения к административной ответственности, на предложение неустановленного лица ответил согласием и, таким образом, совместно с этим лицом вошел в состав участников указанного функционально обособленного структурного подразделения»⁸. Таким образом, здесь суд обращает внимание на то, что фактически в совершении преступлений преступного сообщества лицо не участвовало, но способствовало их совершению путем подбора грузоперевозчиков, именно поэтому действия данного лица были квалифицированы только по ч. 2 ст. 210 УК РФ.

В случае же если лицо в составе преступного сообщества непосредственно совершает преступления, то ему должна вменяться не только ч. 2 ст. 210 УК РФ, но и иные положения уголовного закона, преступления в соответствии с которыми лицо совершило, следовательно, можно сделать вывод,

что при квалификации действий участников преступного сообщества важно установить факт их непосредственного участия в конкретных деяниях, которые являлись целью организации преступного сообщества.

При анализе международных актов, посвященных борьбе с организованной преступностью, можно сделать вывод, что важнейшим международным правовым актом в данной сфере является Конвенция против транснациональной организованной преступности, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000 г.

Определения преступного сообщества в данном акте и в УК РФ имеют некоторые различия: в отношении минимальной численности российское законодательство несколько шире описывает преступное сообщество, чем конвенция, так как российский уголовный закон предполагает, что преступное сообщество — группа из двух и более лиц, а конвенция — трех и более лиц. В отношении цели создания преступного сообщества конвенция более широко подходит к ее определению, включая в нее и преступления средней тяжести. В УК РФ к цели создания преступного сообщества относятся только тяжкие и особо тяжкие преступления⁹.

Законодательства зарубежных стран также по некоторым положениям весьма сильно отличаются от российского в отношении преступных сообществ. Так, например, в сравнении с американским законодательством уголовная ответственность за создание и участие в преступном сообществе в Российской Федерации значительно более строгая: ч. 1 ст. 210 УК РФ предусматривает наказание от 12 до 20 лет лишения свободы для организаторов и руководителей

⁸ Приговор Майкопского городского суда (Республика Адыгея) от 16 декабря 2015 г. № 1-570/2015 по делу № 1-570/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.04.2021).

⁹ Конвенция против транснациональной организованной преступности (заключена в г. Нью-Йорке 15.11.2000) (с изм. от 31.05.2001) // СПС «КонсультантПлюс».

сообщества; ч. 2 ст. 210 УК РФ — от 7 до 10 лет лишения свободы для участников сообщества.

Достаточно много различий в определении преступного сообщества между немецким и российским законодательствами: под сообществом в УК ФРГ понимается «созданное на длительное время организационное объединение более двух лиц для преследования общих вышестоящих интересов, независимо от определения конкретных ролей его членов, непрерывности членства и выраженности структур»¹⁰. Так, немецкий законодатель прямо указывает на длительность существования такого сообщества, о чем прямо в УК РФ не говорится. Однако в УК РФ имеется такой признак, как устойчивость (ст. 35 УК РФ), который фактически и означает длительность существования организации.

В отношении минимального количества членов преступного сообщества имеются различия между российским и итальянским законодательством, так как в соответствии с УК Италии для преступного сообщества необходимо объединение трех и более лиц¹¹. В УК РФ прямо такая численность не закрепляется, но ее можно вывести исходя из

положений ч. 1 ст. 35 УК РФ, которая под группой лиц понимает объединение двух и более лиц, следовательно, раз иного правила для сообщества УК не предусматривает, для сообщества действует это же правило: не менее двух лиц.

Преступные сообщества (преступные организации) являются одной из опаснейших форм групповой преступности. Деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию таких преступлений, неотвратимому привлечению к ответственности виновных лиц должна быть приоритетной в сфере функционирования системы правоохранительных органов любого государства.

Таким образом, в данной работе было выявлено, что в российском законодательстве имеются определенные проблемы в квалификации организации преступного сообщества. На практике возникает закономерность: если выявляются деяния, подпадающие под признаки ст. 210 УК РФ, правоприменитель сталкивается с огромным количеством проблем. Связано это не только с тем, что понятийный аппарат данного состава нуждается в доработке, так как имеют место пробелы, абстрактные и оценочные определения, что порождает неверную квалификацию, вследствие чего виновные лица остаются безнаказанными, а лица, которые не причастны к преступному сообществу, несут несправедливое и незаслуженное наказание.

¹⁰ Шредер Ф.-К. Борьба с организованной преступностью в Федеративной Республике Германия : пер. с нем. А.В. Серебренникова // Вестник Московского университета. 2009. № 6. С. 76.

¹¹ Выдержки из Уголовного кодекса Италии // Сайт «Адвокат Третьяк Татьяна Александровна». URL: <https://www.advocate123.ru/diritto-penale-italiano> (дата обращения: 18.04.2021).

Литература

1. Белоцерковский С.Д. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения / С.Д. Белоцерковский // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9–14.
2. Капинус О.С. Признаки преступного сообщества (преступной организации) в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ / О.С. Капинус // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 80–90.
3. Шредер Ф.-К. Борьба с организованной преступностью в Федеративной Республике Германия / Ф.-К. Шредер // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 75–80.

ИНСТИТУТ ПАРТИСИПАТОРНОГО (инициативного) бюджетирования

ПЕТРОВА ВЛАДА НИКОЛАЕВНА,

выпускница Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)
vlada.petrova.1999@list.ru

**История возникновения,
распространения партисипаторного
бюджетирования**

Партисипаторное бюджетирование — институт, предполагающий непосредственное участие части граждан в определении статей расходов бюджетных средств муниципалитета для решения вопросов местного значения, а также последующий контроль над их реализацией. Механизм партисипаторного бюджетирования предполагает участие граждан в выборе значимых для них проектов, совместное распределение бюджетных средств, общедоступный отчет об исполнении программ, финансируемых из государственного и местного бюджетов.

Партисипаторное бюджетирование зародилось в Бразилии в 1970–1980-х годах. Привлечению граждан к участию в принятии бюджетных решений способствовала политическая обстановка государства. На тот момент в Бразилии остро стояли проблемы неравенства населения, низкого уровня доходов части граждан, проживающих в фавелах, высокого уровня преступности, рас-

пространения наркотиков на территории государства. Одним из способов разрешения вышеупомянутых проблем являлось внедрение механизмов партисипаторного бюджетирования со стороны бразильской Партии трудящихся. Партия считала, что включение граждан в разрешение местных проблем способно консолидировать общество.

Уже в начале 1980-х годов такие муниципалитеты, как Лажис, Боа-Эсперанса и Пелотас, призвали граждан к обсуждению проектов местных бюджетов. Со временем институт партисипаторного бюджетирования был внедрен и в другие города Бразилии, такие как Жуан-Монлевади, Пирасикаба, Порту-Алегри и Ипатинга. К началу XXI в. данный институт получил распространение на всей территории Республики Бразилии, механизмы партисипаторного бюджетирования были использованы в 140 городах.

Модель партисипаторного бюджетирования в городе Порту-Алегри признана одной из самых успешных в мировой практике. В этом городе существуют три уровня, в которых реализуется данный институт.

Первый уровень осуществляется в рамках микрорайона путем создания ассамблей, в которых все граждане имеют право принять участие. На данном этапе обсуждаются важнейшие проблемы, которые необходимо разрешить выделив средства местных бюджетов. Обсуждаются проекты в области образования, здравоохранения, социального обслуживания, инфраструктуры, охраны окружающей среды, культуры и отдыха. Также происходит отбор делегатов, представляющих граждан на втором уровне, — в округе или районе.

Орган, координирующий работу на втором этапе, — форум. Здесь делегаты обсуждают приоритеты финансирования определенных проектов, взаимодействуют с государственными органами и следят за их исполнением.

Третий уровень реализуется в рамках города посредством совета. Участниками являются делегаты и представители городской администрации. Представители государственных органов не имеют права голоса. Тут регламентируются нормы распределения финансов на определенный период. Также участники согласовывают проект бюджета и передают его мэру города.

Процесс является гласным, любой гражданин имеет право стать наблюдателем. Процесс реализации партисипаторного бюджетирования длится год, в ходе которого происходят обсуждения, анализ потребностей населения, дебаты и голосование за определенные проекты¹.

Результаты внедрения данного института превзошли все ожидания. В Порту-Алегри была налажена система водоснабжения, электроснабжения, транспорта, увеличилось

число детей, поступивших в государственные школы.

Партисипаторное бюджетирование способствовало увеличению числа граждан, выплачивающих налоги. Всемирный банк зафиксировал снижение уровня бедности. Программа ООН по населенным пунктам в 1996 г. признала партисипаторное бюджетирование в Порту-Алегри одной из самых успешных программ в области решения вопросов местного значения.

Такому успеху способствовало несколько факторов. Во-первых, политический режим Бразилии двигался в сторону демократии. Во-вторых, государственная власть, осознавая серьезность социальных проблем, выделяла больше средств для решения вопросов местного значения. В-третьих, на тот момент избирательный процесс, за редкими исключениями, соответствовал правовым представлениям о нем. В-четвертых, развитие цифровых технологий смогло обеспечить большую вовлеченность граждан в голосование. В муниципалитете Белу-Оризонти голосование за проекты происходило полностью электронно. В результате популяризации данного института в социальных сетях в голосовании приняли участие около 10% жителей города².

Партисипаторное бюджетирование, давшее положительные результаты в Бразилии, быстро распространилось по всей Латинской Америке, а также Европе и Азии.

Развитие инициативного бюджетирования в России

В России практика участия граждан в определении статей расходов бюджетных средств реализуется в рамках инициативного бюджетирования. «Инициативное бюджетирование — совокупность разнообраз-

¹ Бублик Н.Д., Лукина И.И., Фазлутдинов Р.А., Чувилин Д.В. Процедуры партисипаторного бюджетирования как основополагающего элемента концепции сбалансированных инициатив местных сообществ // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2016. Т. 8. № 4. С. 3–7.

² Гаврилова Н.В. Зарубежные тренды в сфере партисипаторного бюджетирования // Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 118–125.

ных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также в последующем контроле за реализацией отобранных проектов»³.

Российская модель партисипаторного бюджетирования имеет несколько особенностей. Во-первых, распределение бюджетных средств осуществляется с учетом мнения населения и предполагает его непосредственное участие как на стадии отбора проектов, так и на стадии их реализации. Во-вторых, данный институт характеризуется привлечением денежных средств физических и юридических лиц для реализации проектов инициативного бюджетирования. В-третьих, практика инициативного бюджетирования является частью бюджетного процесса на региональном и местном уровнях⁴.

Первые проекты, реализованные в рамках инициативного бюджетирования в России, относятся еще к 2007 г. В этот период при содействии Программы поддержки местных инициатив (ППМИ) Всемирного банка в нескольких субъектах РФ часть средств местных бюджетов была израсходована на цели, определенные населением этих субъектов. Впервые ППМИ заработала в Ставропольском крае. В данном регионе, уже в первый год внедрения, гражданами были выбраны 26 проектов для реализации в 25 муниципальных образованиях. Стоимость проектов оценивалась в 44 млн руб., из них 75% необходимой суммы было выделено из краевого бюджета, 9% — из местного бюджета, а 16% составляли средства физических и юридических лиц.

Сейчас Программа поддержки местных инициатив успешно функционирует в семи субъектах Российской Федерации: Хабаровском крае, Тверской, Нижегородской и Кировской областях, республиках Башкортостан и Северная Осетия — Алания, а также Еврейской автономной области⁵.

Начальным этапом Программы поддержки местных инициатив является подготовка к реализации института инициативного бюджетирования в конкретном субъекте Российской Федерации. В рамках этого определяются основные параметры проведения инициативного бюджетирования: территория, на которой оно будет реализовано, количество допустимых заявок от одного муниципалитета, предполагаемая сумма выделяемых денежных средств, основные критерии отбора проектов и др. Особое внимание на подготовительном этапе уделяется созданию правовых инструментов для реализации данного института. Также здесь создается информационная система управления и проводятся обучение и консультации для основных участников инициативного бюджетирования: сотрудников муниципалитетов и представителей населения. На основе всего этого исполнительные органы субъектов Федерации создают нормативно-правовые акты и методические рекомендации, на базе которых в дальнейшем будут проводиться последующие этапы. Такими документами являются шаблоны конкурсных заявок, протоколов общего собрания граждан, различные информационные листы и др. Разрабатываются также указания для организаторов проведения инициативного бюджетирования⁶.

³ Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Инициативное бюджетирование в России: лучшие практики и направления развития // Финансовый журнал / Financial Journal. 2015. № 4. С. 94–101.

⁴ Вагин В.В., Шаповалова Н.А. Инициативное бюджетирование и смежные практики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 2. С. 2–5.

⁵ Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Инициативное бюджетирование в России: лучшие практики и направления развития // Там же. С. 94–103.

⁶ Шульга И.Е., Сухова А.С., Хачатрян Г. Программа поддержки местных инициатив: совершенствование местного самоуправления и развитие инициативного бюджетирования // Инициативное бюджетирование в Российской Федерации: сборник научных материалов к Всероссийской конференции по инициативному бюджетированию. 2017. Вып. 1. С. 4–12.

Программа поддержки местных инициатив предполагает определение основных задач на общем собрании граждан. Такие собрания являются вторым этапом проведения инициативного бюджетирования. В первые годы внедрения данного института консультанты Всемирного банка обращают особое внимание на проведение общих собраний. Специалисты следят за процедурой их проведения с целью исключить коррупциогенные факторы и административное принуждение. На этом же собрании избираются представители населения, которые в дальнейшем совместно с местной администрацией готовят проекты по наиболее приоритетным направлениям, определенным общим собранием граждан⁷.

Третьим этапом является отбор проектов. На данном этапе консолидируются, обрабатываются и оцениваются заявки на реализацию проектов. Оценка проектов происходит с использованием информационной системы управления. Далее оцененные проекты направляются в конкурсную комиссию, где путем подсчета баллов определяются проекты-победители. В состав конкурсной комиссии входят и консультанты Всемирного Банка с целью наблюдения за процедурой выбора проектов-победителей.

Денежные средства для их реализации передаются посредством субсидий из бюджетов субъектов РФ в бюджеты муниципальных образований, где они аккумулируются со средствами местных бюджетов и средствами, полученными от граждан и организаций. Далее на конкурсной основе согласно Федеральному закону № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» определяются исполнители проектов.

Четвертый этап проведения инициативного бюджетирования — контроль над реализацией проектов. По большей части он осуществляется со стороны населения, так как граждане, вложившие собственные средства, нуждаются в их качественном исполнении. Консультанты Программы поддержки местных инициатив также содействуют своевременности и качественной реализации проектов.

Пятый, финальный этап в реализации института инициативного бюджетирования — подготовка Всемирным банком отчетов о реализации Программы поддержки местных инициатив в субъектах Российской Федерации, а также предложений по ее усовершенствованию. В дальнейшем такая отчетность подлежит обсуждению в ходе различного рода мероприятий, посвященных инициативному бюджетированию на уровне регионов. Это могут быть конференции, форумы и совещания.

Особо хочется отметить несколько черт, характерных для инициативного бюджетирования в Российской Федерации. Во-первых, высокий уровень участия населения в решении вопросов местного значения. За семь лет существования данного института в процесс инициативного бюджетирования было вовлечено более 1 млн граждан, а проведено более трех тысяч общих собраний. «В Кировской области, например, в собраниях в рамках ППМИ участвует около 20% взрослого населения, а в отдельных муниципалитетах этот показатель достигает 60 процентов»⁸. Более того, часть граждан непосредственно и на безвозмездной основе участвует в реализации определенных проектов⁹.

⁷ Вагин В.В. Инициативное бюджетирование в Российской Федерации: основные особенности и результаты // Финансовый журнал / Financial Journal. 2015. № 5. С. 120–122.

⁸ Шульга И.Е., Сухова А.С., Хачатрян Г. Программа поддержки местных инициатив: совершенствование местного самоуправления и развитие инициативного бюджетирования // Там же. С. 15–27.

⁹ Вагин В.В., Гаврилова Н.В., Шаповалова Н.А. Факторы, возможности и ограничения развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации // Финансовый журнал / Financial Journal. 2017. № 1. С. 103.

Кроме этого, с каждым годом увеличивается доля привлеченных денежных средств граждан, юридических лиц и местных бюджетов. Практика показывает, что до 50% средств от стоимости проектов составляют вклады местного сообщества.

С развитием Программы поддержки местных инициатив в России стали появляться и другие формы инициативного бюджетирования, например, проекты Комитета гражданских инициатив и Европейского университета в Санкт-Петербурге и программа «Народный бюджет».

Инициативное бюджетирование в России имеет ряд преимуществ. Во-первых, повышается уровень доверия граждан к органам государственной и муниципальной власти и осознания населением собственной значимости в решении вопросов местного значения. Снижается иждивенческий настрой граждан, повышается их правосознание¹⁰.

Во-вторых, экономический эффект, как особенность инициативного бюджетирования, выражается в более эффективном использовании бюджетных средств.

В-третьих, реализуется принцип прозрачности бюджетного процесса в части открытости для граждан и организаций проектов бюджетов, а также в части опубликования в СМИ отчетов о расходовании бюджетных средств.

Однако институт инициативного бюджетирования не решает многие проблемы, которые государство пытается разрешить за счет его введения.

Во-первых, проблема низкого уровня финансовой обеспеченности бюджетов муниципальных образований не должна решаться с помощью привлечения дополнительных средств граждан для решения вопросов местного значения. Для разреше-

ния этой проблемы нужно расширить налоговые доходы местных бюджетов, а не устанавливать обязательное софинансирование проектов инициативного бюджетирования населением. Увеличить доходы можно несколькими способами: 1) пересмотреть место зачисления доходов от налога на доходы физических лиц. Средства должны зачисляться не по месту работы физического лица, а по месту его регистрации; 2) усовершенствовать техники налогового администрирования; 3) увеличить экономический потенциал регионов¹¹.

Во-вторых, инициативное бюджетирование было введено с целью усиления местного самоуправления путем вовлечения большего числа граждан в бюджетный процесс. Но, с другой стороны, получение государственных субсидий на реализацию проектов данного института укрепляет вертикаль власти.

В-третьих, лишь малая доля регионального и местного бюджетов расходуется для реализации инициативного бюджетирования. В среднем расходы на региональные практики инициативного бюджетирования не превышают 1% от общих расходов бюджетных средств. Все это создает «иллюзию демократии», что в дальнейшем может привести к разочарованию населения в инициативном бюджетировании и потере доверия к муниципальным органам власти.

Таким образом, институт инициативного бюджетирования имеет высокий потенциал для развития в Российской Федерации. Благодаря его появлению повышается эффективность расходования бюджетных средств, увеличивается вовлеченность населения в бюджетный процесс, повышается уровень доверия граждан к органам государственной и муниципальной власти,

¹⁰ Колесник Е.А. Инициативное бюджетирование как фактор развития местных сообществ // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. С. 42–47.

¹¹ Чельшева Э.А. Некоторые аспекты межбюджетного распределения налоговых доходов // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2010. № 3. С. 22–25.

снижаются их иждивенческие настроения, повышается правосознание, растет их правовая грамотность. Однако проблемы слабого местного самоуправления и низкого уровня финансовой обеспеченности местных бюджетов должны разрешаться государством комплексно, а не только за счет введения института инициативного бюджетирования.

Литература

1. Бублик Н.Д. Процедуры партисипаторного бюджетирования как основополагающего элемента концепции сбалансированных инициатив местных сообществ / Н.Д. Бублик, И.И. Лукина, Р.А. Фазлутдинов, Д.В. Чувиллин // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 4 (35). С. 56.
2. Вагин В.В. Инициативное бюджетирование в России: лучшие практики и направления развития / В.В. Вагин, Н.В. Гаврилова, Н.А. Шаповалова // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 4 (26). С. 94–103.
3. Вагин В.В. Инициативное бюджетирование в Российской Федерации: основные особенности и результаты / В.В. Вагин // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2015. № 5 (27). С. 120–122.
4. Вагин В.В. Инициативное бюджетирование и смежные практики / В.В. Вагин, Н.А. Шаповалова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 38 (320). С. 2–19.
5. Вагин В.В. Факторы, возможности и ограничения развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации / В.В. Вагин, Н.В. Гаврилова, Н.А. Шаповалова // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 1 (35). С. 103–113.
6. Гаврилова Н.В. Зарубежные тренды в сфере партисипаторного бюджетирования / Н.В. Гаврилова // Финансовый журнал. 2016. № 2. С. 118–125.
7. Колесник Е.А. Инициативное бюджетирование как фактор развития местных сообществ / Е.А. Колесник // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 5 (401). С. 42–47.
8. Чельшева Э.А. Некоторые аспекты межбюджетного распределения налоговых доходов / Э.А. Чельшева // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2010. № 3 (32). С. 166–172.
9. Шульга И.Е. Программа поддержки местных инициатив: совершенствование местного самоуправления и развитие инициативного бюджетирования / И.Е. Шульга, А.С. Сухова, Г. Хачатрян // Инициативное бюджетирование в Российской Федерации : сборник научных материалов к Всероссийской конференции по инициативному бюджетированию. Вып. 1 / под редакцией В.В. Вагина. Москва : Научно-исследовательский финансовый институт, 2015. С. 124–168.
10. Шульга И. Программа поддержки местных инициатив: совершенствование местного самоуправления и развитие инициативного бюджетирования / И. Шульга, А. Сухова. Москва : Алекс, 2016. 52 с.

МЕХАНИЗМ УСТРАНЕНИЯ ДВОЙНОГО налогообложения дивидендов в рамках Модельной конвенции ОЭСР и СИДН

КАЙНОВА ВЕРОНИКА СЕРГЕЕВНА,

магистр Института правового консалтинга по программе налогового консалтинга Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
veronika.kaynova@inbox.ru

В основании самой проблемы избежания двойного налогообложения лежат как внутренние, так и внешние причины, как указывал С.О. Шохин¹. Так, обоснование законодателя, заинтересованного в разработке эффективных мер избежания двойного налогообложения, связано с внутренними причинами, а гармонизация налоговых режимов, заключение двусторонних договоров и следование идентичным международным правилам — с внешними.

Актуальность изучения проблемы двойного налогообложения определяется тем, что, во-первых, такое налогообложение может нарушать права налогоплательщиков, а, во-вторых, уплата налогов в бюджет двух и более государств зачастую становится формой ухода от налогов, которая нарушает интересы государств. Некоторые представители научного сообщества, например В.В. Полякова и С.П. Котляренко, предлагают различать двойное налогообложение юридического и экономического видов².

При этом двойное налогообложение признается проблемой, препятствующей развитию экономических связей между государствами, инвестиционных проектов и различных форм бизнеса, в силу этого усилия по его избежанию и созданию нормативно-правовых актов принимаются не только государствами, но и международными организациями. По мнению Н.Г. Скачкова, существует ряд инструментов, без которых вся система международного права не сможет существовать³. Одним из таких можно назвать Модельную конвенцию по налогам на доход и капитал, принятую в 1963 г. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). При этом конвенция не является жестким документом, периодически в нее вносятся изменения, например: в 1991 г. Совет ОЭСР утвердил понятие «динамичной» модельной конвенции, что позволило принимать единичные изменения норм без полного пересмотра документа. Так, в 2017 году была опубликована новая редакция модельной конвенции, изме-

¹ Шохин С.О. Совершенствование законодательства о двойном налогообложении // Юрист. 2017. № 7. С. 43–47.

² Полякова В.В., Котляренко С.П. Правовые основы международных налоговых соглашений // Налоговое право : учебное пособие / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2000.

³ Скачков Н.Г. Действие международных договоров Российской Федерации в области налогообложения иностранных физических и юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 65.

нения которой коснулись налогов на доход и капитал, что существенно повлияло на национальное правоприменение в налоговой сфере российского права.

О важности Модельной конвенции в рамках отечественного права, в частности, отмечает М.С. Пекарская в обзоре российской правоприменительной практики в части толкования данного документа⁴. Так, автор пишет, что Министерство финансов Российской Федерации в последние годы достаточно часто ссылается на модельную конвенцию в своих письмах, равно как и суды используют ссылки на ее положения в своих постановлениях.

Модельная конвенция ОЭСР предусматривает возможность устранения двойного налогообложения дивидендов, используя два метода: метод освобождения и метод зачета. В Комментариях к Модельной конвенции ОЭСР большое внимание уделено реальным прецедентам двойного налогообложения и способам их исключения, что делает документ достаточно востребованным в международной и российской судебной практике, а также при заключении двусторонних межгосударственных договоров, затрагивающих налоговую тематику. Например, российско-мексиканское соглашение об избежании двойного налогообложения ссылается на Модельную конвенцию ОЭСР. Другими словами, положения Модельной конвенции ОЭСР могут использоваться для толкования международных соглашений о налоговых вопросах и избежании двойного налогообложения. В.А. Мачехин говорит о том, что эта практика может считаться устоявшейся в России, а начиная с 2000-х годов повсеместной⁵. М.С. Пекарская подтверждает, что документы государственных органов достаточно часто содержат фразы «согласно Комментариям»,

«противоречит / не противоречит Комментариям»⁶. Автор подтверждает то же и в отношении судебной практики последних лет.

Итак, метод освобождения (tax exemption) используется, когда из налогооблагаемой базы исключаются доходы, полученные резидентом за рубежом. Налоговое освобождение может быть без прогрессии и с прогрессией. В первом случае государство резидентства не учитывает в налогооблагаемой базе убытки, понесенные в других государствах, во втором — учитывает. Преимуществом метода tax exemption является возможность полного исключения двойного налогообложения.

Однако экономики стран, предусматривающих метод освобождения, как правило, несут потери. Кроме того, у резидента появляется возможность выбрать место расположения своего бизнеса, как следствие, выбираются так называемые низконалоговые территории. Льготное налогообложение для привлечения нерезидентов экспертами признается как недобросовестная налоговая конкуренция, уводящая налогоплательщиков из-под юрисдикции государств резидентства⁷. ОЭСР ранее предприняла попытку повлиять на государства с льготным налоговым режимом.

Метод налогового зачета, или налогового кредита (tax credit), предусматривает уменьшение налога на сумму налогов, уплаченных в другом государстве. Международная практика предусматривает полный налоговый кредит и обыкновенный налоговый кредит. Первый приводит к уменьшению налоговой обязанности всех уплаченных за рубежом доходов, второй — к тем, которые могли быть уплачены с данного объекта в стране зачета, т.е. по его налоговой ставке. Преимуществом данного метода является снижение риска перехода избежания двой-

⁴ Пекарская М.С. Обзор российской правоприменительной практики в части толкования Модельной налоговой конвенции ОЭСР // Московский журнал международного права. 2016. № 2. С. 214–224.

⁵ Мачехин В.А. Проблемы применения и толкования налоговых договоров РФ в целях налогового планирования // Юрист. 2011. № 7.

⁶ Пекарская М.С. Обзор российской правоприменительной практики в части толкования Модельной налоговой конвенции ОЭСР // Там же.

⁷ Кастанова Е.Д. Правовые способы устранения международного двойного налогообложения и борьбы с уклонением от уплаты налогов // Право и управление. XXI век. 2013. № 1 (26). С. 103–110.

ного налогообложения в неуплату налога в обоих государствах, поскольку зачет осуществляется после уплаты налогов и при документальном подтверждении этого факта и суммы. Этот метод выгоден государствам, однако он не всегда удобен налогоплательщикам, поскольку не гарантирует избежания двойного налогообложения, так как страны не всегда готовы учитывать особенности налоговых систем друг друга (разные налоговые ставки, налогооблагаемые базы и т.д.).

Е.Д. Кастанова считает, что оптимальным способом разрешения проблемы двойного налогообложения с учетом мнения и государства, и налогоплательщика является заключение двусторонних договоров между странами, которые предусматривают способы избежания двойного налогообложения⁸. Например, такие соглашения предусматривают, что налог, уплаченный резидентом одной страны в другой стране, вычитается из налогооблагаемой базы в стране резидентства, однако он не может превышать налог, уплаченный в стране резидентства. В частности, такая норма предусмотрена ст. 23 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индии об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы.

В этом контексте следует уделить внимание соглашениям об избежании двойного налогообложения (СИДН). Такие соглашения заключаются между странами в контексте развития их международных связей. Так, в конце 2020 г. Государственная Дума РФ приняла несколько федеральных законов, которые ратифицируют протоколы к СИДН между Правительством РФ и правительствами Кипра и Люксембурга. Соглашение с Правительством Кипра можно считать особенно важным, поскольку Кипр наряду с Люксембургом предоставляет льготный налоговый режим на

дивиденды, а потому является привлекательным для резидентов различных стран для переноса своего бизнеса на территорию островного государства. Однако среди россиян наиболее востребованным был именно налоговый режим Кипра. Несколько ранее Правительство РФ одобрило протокол к СИДН между Правительством РФ и Правительством Мальты, которая также является государством, которое подвергалось критике за недобросовестную налоговую конкуренцию. Однако наряду с Кипром, Маврикием, Каймановыми островами, Сейшельскими островами и другими странами обязались перед ОЭСР постепенно упразднить налоговые льготы для нерезидентов. Протокол к СИДН с Мальтой по условиям схож с аналогичным соглашением, заключенным с Кипром. СИДН устанавливает у источника 15%-ный налог на пассивный доход для граждан России, имеющих бизнес на территории Мальты. Ранее ставка для дивидендов была в размере 5 или 10% в зависимости от соблюдения инвестиционного критерия. Тем не менее пятипроцентная ставка сохранится, если компания будет удовлетворять следующим критериям:

- 15 и более процентов акций компании находится в свободном обращении на зарегистрированной фондовой бирже;
- наличие не менее 15% капитала в компании, выплачивающей дивиденды, на протяжении 365 дней и более;
- если речь идет о страховом учреждении, пенсионном фонде, российском и мальтийском государственном органе, если они являются фактическими получателями дохода.

Процентный доход, который ранее освобождался от налогообложения, также будет облагаться налогом по ставке в 15%. Пятипроцентная ставка, как и в случае с дивидендами, будет сохраняться для удовлетворяющих перечисленным выше критериям публичных лиц.

Таким образом, Модельная конвенция ОЭСР по налогам на доход и капитал может считаться основополагающим

⁸ Мачехин В.А. Проблемы применения и толкования налоговых договоров РФ в целях налогового планирования // Юрист. 2011. № 7. С. 17–25.

документом в отношении налоговых вопросов и избежания двойного налогообложения доходов, поскольку, во-первых, принималась при участии большого числа государств — членов ОЭСР и государств, имеющих иной статус в рамках Организации экономического сотрудничества и развития, а во-вторых, ввиду своей востребованности в практике различных государств для подготовки двусторонних соглашений, затрагивающих налоговые вопросы и избежание двойного налогообложения. Для правоприменительной практики большое значение имеют Комментарии к Модельной конвенции ОЭСР. В российской практике толкование комментариев также имеет большое значение, однако говорить о едином подходе пока нецелесообразно.

Применительно к СИДН на примере с правительствами Мальты, Кипра и Люксембурга следует отметить, что последствием заключения соглашения будет не только исключение двойного налогообложения, но и борьбы с неуплатой налогов, которая организовывалась с помощью бизнеса, расположенного на территории указанных го-

сударств с льготным налоговым режимом. Эксперты утверждают, что юридические лица, имеющие реальную экономическую деятельность в случае необходимости сохранить льготную налоговую ставку на дивиденды, осуществляют преобразование компании в публичное юридическое лицо с соблюдением остальных требований для льготного налогообложения⁹. В настоящее время переговоры о заключении СИДН со стороны России с Нидерландами не привели к изменению соглашения, подобно вышеуказанным странам, поэтому Россия уведомила Нидерланды о денонсации соглашения и предотвращении уклонения от налогообложения.

По результатам краткого обзора мер, направленных на устранение двойного налогообложения в рамках применения Модельной конвенции ОЭСР и СИДН, явной видится необходимость дальнейшего усовершенствования правового регулирования налогообложения дивидендов.

⁹ Селиванова В., Вольный Л. Изменение соглашений об избежании двойного налогообложения. URL: <https://www.eg-online.ru/article/433414/> (дата обращения: 19.02.2021).

Литература

1. Кастанова Е.Д. Правовые способы устранения международного двойного налогообложения и борьбы с уклонением от уплаты налогов / Е.Д. Кастанова // Право и управление. XXI век. 2013. № 1 (26). С. 103–110.
2. Мачехин В.А. Проблемы применения и толкования налоговых договоров РФ в целях налогового планирования / В.А. Мачехин // Юрист. 2011. № 7. С. 17–26.
3. Пекарская М.С. Обзор российской правоприменительной практики в части толкования Модельной налоговой конвенции ОЭСР / М.С. Пекарская // Московский журнал международного права. 2016. № 2. С. 214–224.
4. Полякова В.В. Правовые основы международных налоговых соглашений / В.В. Полякова, С.П. Котляренко // Налоговое право : учебное пособие / под ред. С.Г. Пепеляева. Москва : ФБК Пресс, 2000. С. 336–337.
5. Селиванова В. Изменение соглашений об избежании двойного налогообложения / В. Селиванова, Л. Вольный // ЭЖ-Бухгалтер. 2021. № 06 (9872).
6. Скачков Н.Г. Действие международных договоров Российской Федерации в области налогообложения иностранных физических и юридических лиц : диссертация кандидата юридических наук / Н.Г. Скачков. Москва, 1998. 198 с.
7. Шохин С.О. Совершенствование законодательства о двойном налогообложении / С.О. Шохин // Юрист. 2017. № 7. С. 43–47.

О НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ЦЕНТРЕ МГУ «Право и СМИ»

КРЮКОВА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА,

ассистент кафедры криминалистики Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ), директор Научно-образовательного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) «Право и СМИ», кандидат юридических наук
zkrukova@mail.ru

В конце 2020 года на базе Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова был создан Научно-образовательный центр «Право и СМИ».

Создание НОЦ было обусловлено многими факторами.

Во-первых, юридическое и журналистское сообщества привержены ценностям права и правового государства. По роду своей деятельности юристы призваны обеспечивать права и законные интересы граждан, а представители СМИ — право граждан на получение информации. Юристам следует понимать особенности деятельности СМИ и учитывать эту специфику в своих взаимоотношениях с ними. Исходя из конституционного права каждого (в том числе и юриста) на свободу самовыражения, недопустимо введение каких-либо ограничений (кроме тех, что предусмотрены Конституцией России) права излагать свое мнение в средствах массовой информации по актуальной социальной, политической и правовой проблематике. Вместе с тем корпоративная культура юридического сообщества предполагает следование общим критериям, подчиненным общей миссии и назначению юриспруденции. Юриспруденция является

важным информационным источником о законодательных процессах, состоянии правосудия, а также реализации и защите прав и свобод граждан. Публичная функция, связанная с предоставлением указанной информации, является продолжением профессиональной деятельности юриста.

Во-вторых, к сожалению, юристы не всегда умеют выстраивать эффективное взаимодействие со СМИ и общественностью, допускают грубые ошибки в тактике предоставления информации, некорректно ведут себя, особенно в Интернете, мессенджерах и соцмедиа, что влияет на индивидуальный имидж не только юриста, но и всей юриспруденции и правовой системы России в целом. Особого внимания требует взаимодействие юриста со СМИ и общественностью при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Актуальность создания НОЦ была обусловлена в том числе изменениями, происходящими в общественной жизни под воздействием различных пластов глобализации, цифровизации и информационной открытости, непосредственно влияющих на поведение человека, который оказывается в центре этих процессов; необходимостью получения важных для повседневной и профессиональной жизни юриста знаний,

которые должны помочь в его деловом общении со СМИ, общественностью, коллегами с целью избегания конфликтов и минимизации потенциальной угрозы стать объектом дезинформации и ущерба репутации и проч.

В-третьих, юриспруденция направлена на правовое просвещение и воспитание, распространение правовых знаний среди населения, что способствует росту их правовой культуры, уважительного отношения к праву, правосудию и законности, доверия к правоохранительным органам, недопущению пропаганды насилия, образа жизни преступного мира и языка.

В основу деятельности НОЦ легли положения Указа Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и национальной программы «Цифровая экономика РФ», в том числе в части в сфере правового регулирования массовых коммуникаций и СМИ, в том числе электронных (включая развитие сети Интернет, систем телевизионного (в том числе цифрового) вещания и радиовещания и новых технологий в этих областях), печати, издательской и полиграфической деятельности, обработки персональных данных и проч. Центр выступает в духе новой Программы развития федерального государственного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» на 2021–2030 гг. Более того, ожидающееся реформирование законодательства о «новых медиа», цифровых платформах и СМИ, в том числе Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», актуализирует вопросы правового анализа, а также теоретических и практико-ориентированных исследований медиарегулирования.

По нашему мнению, правовое регулирование и анализ правоприменительной практики в области СМИ и современных масс-медиа еще на стадии становления в России. Деятельность НОЦ призвана использовать сравнительно-правовой подход исследований в схожих областях зарубежных стран

(Media Law, Medienrecht и т.д.), что восполнит существующий пробел в юридической учебной литературе, представить системный анализ правового регулирования деятельности СМИ.

Юридический факультет МГУ был не случайно выбран опорной точкой развития медиаправа. Московским университетом установлено сотрудничество со многими ведущими СМИ, например: «Российской газетой», «Ведомостями», «Коммерсантом», «Новой адвокатской газетой», «Право.ру», «Закон.ру», Издательской группой «Юрист», издательствами «Проспект», «Юрайт», «Юрлитинформ», «Зерцало» и проч. Публикационная активность преподавателей МГУ в СМИ является уже несколько лет одним из критериев эффективности деятельности факультета как структурного подразделения университета. На Юридическом факультете МГУ действует многолетняя практика создания собственных информационных каналов (сайт факультета, годовой доклад, информационные бюллетени, журналы «Юрский период» и DURA LEX, паблики и проч.). С 2011 года по настоящее время на факультете издается журнал «ПРИМ», над которым работают студенты, аспиранты различных курсов и специализаций при поддержке преподавателей факультета. Одной из основных **целей** журнала является предоставление возможности учащимся раскрыть свой творческий потенциал, овладеть грамотной письменной речью, в том числе в публицистическом стиле, узнать об истории факультета и университета, высказать свое мнение на различные темы. Деятельность факультета регулярно освещается в газете «Московский университет». В 2018 году Ассоциация юристов России и Союз журналистов России подписали соглашение о сотрудничестве, в котором, среди прочего, предусмотрена оперативная правовая помощь региональным отделениям Союза журналистов России и информационная поддержка Ассоциации юристов России и ее региональным отделениям, — такая работа уже ведется, например на базе Московского отделения АЮР.

В 2019 году между Юридическим факультетом и факультетом журналистики МГУ заключено соглашение о сотрудничестве. Уже несколько лет подряд по инициативе кафедры уголовного права и криминологии МГУ совместно с факультетом журналистики МГУ проводятся круглые столы на тему правового регулирования журналистской деятельности (например: «Риски уголовной и административной ответственности журналистов» от 7 февраля 2020 г. под руководством профессора П.С. Яни). Также с 2019 г. на Юридическом факультете МГУ реализуется программа дополнительного профессионального образования «Основы взаимодействия юриста со СМИ и общественностью» (Е.С. Крюкова).

Очевидно, что подобный научно-образовательный центр носит междисциплинарный и межотраслевой характер, что соответствует приоритетным направлениям, предусмотренным Программой развития Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова на 2021–2030 гг., Программой развития Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на 2019–2023 гг. Одной из значимых целей НОЦ является объединение обширного творческого потенциала научно-педагогических сотрудников юридических факультетов и вузов, специализирующихся как в сфере взаимодействия юристов со СМИ и общественностью, так и в различных отраслях права (административного, гражданского, конституционного, коммерческого, предпринимательского, уголовного права, гражданского, арбитражного, уголовного процессов и др.), а также практиков в сфере юриспруденции, журналистики, информационных технологий. Считаем, что в научно-образовательном центре «Право и СМИ» юридическая деятельность в сфере медиарегулирования получит еще более интенсивное развитие.

В настоящее время деятельность НОЦ «Право и СМИ» направлена на сбор имеющихся и разработку новых научных достижений в области правового регулирования средств массовой информации, взаимодей-

ствия государственных, в том числе правоохранительных, органов со СМИ и общественностью, правовое просвещение, использование достижений криминалистики и других направлений юриспруденции в области средств массовой информации и современных массмедиа, в том числе технологий доказывания и аргументации; использование СМИ как инструмента давления на следствие и суд, рассмотрение сообщений о преступлениях, распространенных СМИ; «журналистские расследования»; на определение правового статуса редакции СМИ, правовую помощь журналистам по вопросам их профессиональной деятельности; развитие законодательства о СМИ и практики его применения; на регламентацию свободы массовой информации и недопущение злоупотребления ею, правовой и информационной безопасности в интернет-сети, авторского права; разрешение конфликтов в СМИ и Интернете; правовое регулирование рекламы; рассмотрение и разрешение споров с участием СМИ; противодействие распространению заведомо ложных сведений; правовое обеспечение доступа к общественно значимой информации, гласности судебного разбирательства, в том числе освещения криминальной хроники (далее условно — «медиарегулирование»); приспособление научного материала для использования в практической деятельности; выработку предложений и заключений для законодательных и исполнительных органов государственной власти, а также на апробацию результатов исследований для их использования в практической деятельности государственными и негосударственными структурами. Это первый подобный центр в России.

Основными направлениями деятельности НОЦ являются образовательная, научная и инновационная деятельность, в том числе:

- экспертно-аналитическая работа в сфере законотворческой деятельности по направлению правового регулирования отношений, возникающих в области СМИ и современных массмедиа, а также правоприменительной практики с участием СМИ;

- осуществление теоретических, экспертно-аналитических и практико-ориентированных научных исследований в сфере правового регулирования отношений, возникающих в области СМИ и современных массмедиа, а также правоприменительной практики с участием СМИ;

- организация факультативных курсов по проблемам правовых отношений в сфере СМИ и современных массмедиа для студентов бакалавриата, магистрантов и аспирантов;

- организация и проведение межфакультетских, международных и межвузовских конкурсов, конференций, симпозиумов, семинаров и круглых столов;

- осуществление программ дополнительного профессионального образования по актуальным проблемам медиарегулирования и смежных направлений;

- подготовка правовых заключений по запросам судов, правоохранительных органов, а также иных государственных организаций, юридических и физических лиц, редакций СМИ и журналистов;

- подготовка монографий, научных публикаций, учебников и учебных пособий по направлению «Правоприменительная практика и СМИ»;

- взаимодействие с органами государственной власти в области законопроектной деятельности по направлению «Правоприменительная практика и СМИ»;

- просветительская деятельность, реализация проектов и программ, направленных на популяризацию вопросов медиарегулирования, включая на базе государственных и общественных организаций, общеобразовательных школ;

- сотрудничество с аналогичными центрами, созданными в других учебных заведениях Российской Федерации и за рубежом, организация совместных исследований российских и иностранных ученых по проблемам медиарегулирования.

За 2020–2021 годы центром было проведено более 20 открытых мероприятий, посвященных медиарегулированию. Среди

них: круглый стол «Корпоративный блог: трудовые аспекты» (с Центром трудового права и права социального обеспечения Юридического факультета МГУ), круглый стол «Уголовная ответственность блогеров» (с НОЦ «Уголовно-правовая экспертиза» МГУ), круглый стол «**Борьба с дезинформацией в сети Интернет: “фейк ньюс” и свобода слова**», международный круглый стол «Право на проведение публичных мероприятий в свете правоприменительной практики России и зарубежных стран», круглый стол «Свобода СМИ и ислам: сравнительно-правовой анализ» (с МГИМО МИД России), мастер-классы «Секреты работы на камеру», «Голос как главный элемент имиджа и презентации», «Адвокаты и юристы в соцсетях» и др. Отдельного внимания требует проведенный специальный цикл лекций по правовому регулированию массмедиа. Кандидат юридических наук, начальник юридического отдела одного из федеральных изданий А.Х. Ульбашев в рамках курса «Новые медиа против старого права» осветил особенности существования и регулирования работы новых массмедиа, юридической ответственности, авторского права и рекламы в новых медиа. НОЦ был представлен на Российской креативной неделе, Петербургском международном юридическом форуме, Петербургском международном экономическом форуме.

Сотрудники и студенческий актив центра «Право и СМИ» приглашают к сотрудничеству и совместной научно-исследовательской работе молодых ученых и практикующих юристов, кто заинтересован медиа-правом.

Контакты НОЦ «Право и СМИ»: электронная почта: media.law.msu@mail.ru, официальные страницы ВКонтакте: https://vk.com/media_law_msu, Фейсбук: facebook.com/media.law.msu, Инстаграм: instagram.com/media.law.msu, Телеграм: t.me/media_law_msu. Недавно был открыт канал НОЦ МГУ «Право и СМИ» на YouTube, в ближайшее время запланирован запуск одноименного подкаста.

ПАРУСНЫЙ СПОРТ И ЮРИДИЧЕСКИЙ МИР

ИМРАНОВА ЛЕЙЛИ ФАРИЗОВНА,

ведущий специалист отдела научных договорных работ
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ),
руководитель сборных команд студентов и преподавателей
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ) по парусному спорту
leyli9090@mail.ru

Преподаватели Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, собравшись небольшим составом, решили поучаствовать летом 2021 г. в Парусной бизнес-регате делового издания «Ведомости». Отсюда началась увлекательная история создания клуба яхтинга на Юридическом факультете МГУ и

популяризации данного вида спорта среди всех причастных к альма-матер.

Парусный спорт — это командный вид спорта, требующий быстроты реакции, памяти и аналитического мышления, все то, что необходимо юристу для успешной карьеры.

Идейным вдохновителем выступил доцент кафедры предпринимательского

права Юридического факультета МГУ Александр Молотников и, благодаря поддержке финансово-правовой группы компаний Tenzor Consulting Group и лично управляющего компанией Андрея Пушкина, задуманное было воплощено в жизнь.

В июле 2021 года начались регулярные тренировки и были сформированы две команды: студентов-выпускников и преподавателей факультета. И уже в сентябре обе команды показали достойные результаты на соревнованиях.

Сборная команды студентов Юридического факультета МГУ заняла второе место на Кубке студенческой парусной лиги — 2021 — «Открытом кубке ИТМО», а сборная команды преподавателей — третье место на Вечерней регате Tuesday Warm-Up Race — 2021.

11–12 сентября в Санкт-Петербурге на базе яхт-клуба Zigzag состоялись парусные соревнования — Кубок студенческой парусной лиги — 2021 — «Открытый кубок ИТМО», где дебютировала команда Юридического факультета МГУ (Tensor Team). Для команды студентов ЮФ МГУ профессиональные соревнования такого масштаба были серьезным испытанием. В этапе принимали участие 22 команды из 18 различных университетов и институтов Москвы (МГУ, МФТИ, МАИ, РУДН, МГУПП), Санкт-Петербурга (СПбГУ, НИУ ВШЭ, ИТМО, НГУ им. Лесгафта, РГПУ им. Герцена и др.) Ростова-на-Дону (ДГТУ).

Команда ЮФ МГУ в составе Анастасии Соловьевой (4-й курс), Анастасии Гали (4-й курс), Евгении Берг (2-й курс магистратуры), Семена Патрикеева (3-й курс) и капитана Никиты Ушкова из Tensor Team заняла второе место в результате напряженной борьбы с другими экипажами на протяжении двух дней.

Первый гоночный день в связи со слабым ветром выдался трудным: старт успели дать только трем гонкам. Борьба оказалась тем острее, что было заранее понятно —

при слабом ветре финишировать могут лишь несколько экипажей, а остальные не успеют уложиться в отведенное время и будут дисквалифицированы. В третьей гонке команда ЮФ МГУ, продемонстрировав прекрасные навыки, обошла все яхты с большим отрывом, заняв первое место, в то время как иные команды не смогли финишировать.

Во второй день погода была более подходящей к соревнованиям. Для команды ЮФ МГУ первые две гонки прошли не без сложных моментов. В первой гонке навалились на знак, не справившись с течением, и потеряли старт, оказавшись на последних позициях, но к концу, компенсировав отставание, пришли к финишу третьими. Во второй

гонке, пройдя часть дистанции на первой позиции, при постановке генакера парус запутался за ванты и команда ЮФ МГУ финишировала третьей. Однако в следующих гонках команда ЮФ МГУ идеально сработала на всех маневрах, дважды заняв первое место и в последней гонке уступив его только абсолютным победителям этапа — НГУ им. П.Ф. Лесгафта.

А 14 сентября уже команда преподавателей Юридического факультета МГУ в составе ведущего специалиста отдела НДР Лейли Имрановой, ассистента кафедры коммерческого права и основ правоведения Маргариты Пальцевой, ассистента кафедры международного права Сергея Гландина, доцента кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Дмитрия Чекулаева и рулевого команды Никиты Ушкова из Tenzor Team, не сильно уступая студентам,

заняла третье место в Вечерней регате Tuesday Warm-Up Race — 2021, которая прошла в Москве на акватории Химкинского водохранилища на базе Royal Yacht Club.

Серия вечерних регат Tuesday Warm-Up Race — это любительские гонки на парусных яхтах класса J/70, которые проходят еженедельно на протяжении всего сезона. Такие регаты дают возможность потренироваться в «боевых» условиях и отточить свои навыки.

Команда студентов ЮФ МГУ планирует принимать участие в зимней серии гонок, а команда преподавателей — болеть за наших студентов.

Как это было можно посмотреть на официальном сайте Юридического факультета МГУ: <http://www.law.msu.ru> — и на сайте партнеров: <https://tenzor.team>.

